Люстров М.Ю.

ПОСЛАНИЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII В.

К числу самых загадочных жанров русской поэзии принадлежит стихотворное послание. На первый взгляд выявление его специфики и особенностей развития не должно представлять труда. Однако исследование показывает, что послание — жанр своеобразный, скрывающий собственную индивидуальность, претерпевший на протяжении своей истории сложную эволюцию.

В XX в. изучение русского поэтического послания происходило по двум направлениям: рассматривались его общие жанровые особенности[1] и исследовались эпистолярные произведения русской поэзии конца XVIII — начала XIX вв.[2]. При этом эпистолярная поэзия XVIII в. оставалась за рамками исследований, анализ отдельных произведений не давал представления обо всей эпистолярной системе. Вместе с тем русский поэтический эпистолярий XVIII в. представляет собой сложную, достойную специального изучения структуру.

Русская эпистола 30—70-х гг. XVIII в.

Эпистолы и стихотворные письма

Эпистолярные стихотворения в русских теоретических трудах XVIII в.

В теоретических работах русских филологов XVIII в. прекрасно разработанное за свою многовековую историю послание наделялось постоянным набором общих признаков, отличающих его от схожих, то есть имеющих адресата, жанров. Описанная теоретиками русского классицизма эпистола типологически идентична и античным, и юго-западнорусским, и западноевропейским поэтическим посланиям. На протяжении столетий общие признаки, выделяющие эпистолу из числа других жанров, оставались неизменными.

Правда, некоторые изменения в представлении об эпистоле в русской литературе XVIII в. все-таки произошли. Так, до Феофана

Прокоповича послание принадлежало к числу жанров «пиитических». Этот факт, без сомнения, объясняется польским влиянием на русскую литературу. Феофан же, относящийся скептически к польским руководствам, отказывающий им в понимании предмета изложения и в знании стиля, устраняет это недоразумение и вводит трактат о письме в раздел риторики, куда он и должен входить в соответствии с теоретическими представлениями эпохи[3].

Иной подход демонстрирует В.К.Тредиаковский. Статью об эпистоле он помещает в «Новый и краткий способ», труд, посвященный вопросам поэзии. Частью поэтики эпистола становится не случайно, как это произошло в XVII в., а ввиду появления новых ориентиров русской литературы XVIII в.

Раздел об эпистоле становится одной из многочисленных глав, посвященных регламентации разнообразных поэтических жанров (для В. Н. Перетца это многоглавие вызвано следованием теоретика за поэтиками Киево-Могилянской академии[4]). Для Тредиаковского эпистола — «разговор отсутствующаго с отсутствующим на письме, каков бывает у присутствующих между собою на словах»[5]. Поэтому ее стиль должен быть «ни высок, ни низок». Поскольку устный разговор предполагает большое количество тем, Тредиаковский подразделяет эпистолу на «рода» («много родов есть Эпистол, как например: род советный, поздравительный, сожалительный, купеческий, любовнический»[6].) По всей видимости, Тредиаковский ориентирует послание на устное слово. Следовательно, эпистола — это записанный разговор, преодолевающий таким образом пространство, разделяющее адресата и адресанта.

Понятие об эпистоле Тредиаковского типологически связано с представлением Феофана Прокоповича: если Феофан в своей риторике замечает, что автор должен знать, «кто такой пишущий, к кому пишет, о чем пишет»[7], то Тредиаковский указывает, что для написания правильной эпистолы надо знать, «кто пишет, к кому пишет, куда пишет, для чего и о чем пишет»[8]. Подобные требования предъявлялись и в эпохи нериторические, в XIX в., например. Риторическое письмо и поэтическую эпистолу сближают общие признаки жанра.

В руководстве 1735 г. Тредиаковский не может провести четкой границы между письмом стихотворным и прозаическим: «Пиитическая Эпистола есть почти тож, что и простая»[9]; единственная разница между прозаической и стихотворной ипостасью этого жанра заключается в том, что «пиитическая Эпистола Стилем только разнится от простыя, для того что в Пиитической Эпистоле и стиль долженствует быть Пиитический»[10].

В 1752 г. Тредиаковский описывает эпистолу уже как один из жанров лирической поэзии, замечая при этом, что она «изображает все то в стихах пиитическим духом и образом, что пишется в письмах от отсутствующих к отсутствующим»[11].

Представление о ней, изложенное теоретиком, является новым этапом в развитии жанра. Его эпистола при всем сохранении общих признаков отличается от посланий поэтов «приказной школы», переводящих письма с делового языка на язык стихотворный, и от рассуждений Феофана Прокоповича, исключающего эпистолу из числа поэтических текстов. Для Тредиаковского эпистола принадлежит к числу именно *поэтических* жанров.

Быть может, этим объясняется внимание, которое Тредиаковский уделил эпистоле в 1735 г. Большая и подробная глава должна реабилитировать стихотворное письмо, поставить его в один ряд с другими поэтическими жанрами.

Определение эпистолы, сформулированное Тредиаковским, не претерпело принципиальных изменений на протяжении всего XVIII в. Так, Аполлос (А.Д.Байбаков) объясняет появление своих «Правил пиитических в пользу юношества» (1774) лишь тем, что «хотя и есть правила г. Тредиаковского, но они редки, неполны и дороги»[12]. В своем стремлении дополнить Тредиаковского Аполлос не коснулся интересующего нас жанра. Его определение эпистолы дословно повторяет дефиницию Тредиаковского; для Аполлоса эпистола — жанр малоинтересный. Однако его трехчастное разделение поэзии производится по эпистолярному принципу: кто к кому обращается. Так, в «повествовательной» поэзии говорит один автор, в «драматической» — персонажи, а в «смешанной» комбинируются рассуждения действующих лиц и самого стихотворца. Иллюстрируя это разделение поэтическими жанрами, теоретик ни слова не говорит об эпистоле. Правда, поэтические жанры Аполлос характеризует в том порядке, в каком расположены все три части: вначале описываются «повествовательные» жанры, затем «драматические» и, наконец, «смешанные». Такая последовательность позволяет предположить, что Аполлос относит эпистолу к «смешанной» поэзии (к ней принадлежит «поэзия героическая, буколическая, сатирическая и пр»[13], «пр.»- это и есть эпистолярная поэзия, поскольку она рассматривается сразу после сатирической).

Отнесенность такого жанра, как эпистола, к этому разряду поэзии может вызвать недоумение. Но к той же категории жанров принадлежит и сатира, некоторые разновидностей которой приближены к эпистоле, а относительно принадлежности сатиры к «смешанной» поэзии у автора сомнений нет. В отличие от классической эпистолы, сатира подразделяется на эпистолярную и диалогическую. Если первая группа не имеет отношения к «смешанной» поэзии, то вторая — является классическим примером такого рода.

Иногда эпистола может приравниваться к диалогической сатире. Таким примером становится «Послание к слугам моим» Д.И.Фонвизина, вышедшее в 1769 г., за 5 лет до публикации сочинения Аполлоса. Стихотворение Фонвизина, сыгравшее огромную роль в развитии русской эпистолярной поэзии, будет рассмотрено ниже,

здесь же заметим, что, по всей видимости, именно это произведение позволило Аполлосу определить место эпистолы в русской поэзии.

Фонвизин же вошел в русскую эпистолярную поэзию не только как автор знаменитого стихотворения, но и как теоретик. Свое представление об этом жанре он изложил не в поэтике, а в «Опыте российского сословника»(1783). В главе под названием «Письмо, грамота, послание» читаем: «Под сими именами разумеется всякая переписка между людьми разных состояний. Чрез *письма* сообщают мысли свои люди разного звания: и государь к подданному, и подданный к государю посылают *письма*, но *грамоты* пишут одни государи. *Письма* древних называют *посланиями*»[14].

В своем рассуждении Фонвизин не разбирает признаки жанра (он пишет опыт «Сословника», а не руководство по поэзии), его интересует различие в названии эпистолярных жанров. Для Фонвизина ясно, что эпистола, грамота, послание, письмо — наименования близкородственные, но произведения, получающие такое жанровое обозначение, различны.

Если Тредиаковский в «Новом и кратком способе» впервые заговорил о разнице между письмом и эпистолой, то Фонвизин развил эту идею. Невозможность одним жанровым наименованием охватить все разновидности послания является характерной чертой этого жанра. Предлагаемый материал призван доказать, что выбор поэтом того или иного эпистолярного жанрового обозначения подчинялся жесткой логике, что терминологическое осознание жанра позволяет не только выяснить его сущность, но и правильно понять направление его эволюции.

В русской поэзии XVIII в. едва ли найдется автор, игнорировавший в своем творчестве эпистолярные жанры. Значительно труднее обнаружить поэта, эпистолярное поэтическое творчество которого могло бы выявить общие закономерности употребления того или иного жанрового обозначения и показать, почему в русской поэзии XVIII в. одно название сменяет другое. Перу таких авторов, как, например, М.Херасков, В. Майков, В.Петров и т.д. принадлежит множество посланий, и только поэтическое творчество А.П.Сумарокова, использовавшего все эпистолярные жанровые наименования, представляет собой модель интересующего нас жанра.

Эпистолы и стихотворные письма А.П.Сумарокова

Насколько для Сумарокова принципиально разведение эпистолярных жанровых разновидностей, можно увидеть в его программных эпистолах «О русском языке» и «О стихотворстве». По мнению Сумарокова, изначально эпистола — жанр поэтический, письмо — прозаический. В «Эпистоле о русском языке» читаем:

Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет,
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъяснено[15]

В «Эпистоле о стихотворстве» находим:

В епистолы творцы те речи избирают,
Какия свойственны тому, что составляют.
И самая в стихах сих главна красота,
Чтоб был порядок в них и в слоге чистота[16]

Оба приведенных отрывка представляют собой лаконичные руководства к написанию эпистолярных сочинений. Для Сумарокова эпистола и письмо относятся к разным уровням письменности: эпистола — факт поэзии, письмо — обычный записанный разговор. В эпистоле порядок и чистоту должны соблюдать поэты, творцы, письмо же ничем не отличается от «грамотки», для составления которой нет надобности в поэтическом даре. Любой человек, разумеющий грамоту, может стать автором письма. Сочинение же эпистол доступно немногим избранным.

В то же время Сумароков указывает и на жанровое единство произведений, составляющих русский эпистолярий. Простота и отсутствие затей в письме, порядок и чистота в эпистоле оказываются сходными требованиями, предъявляемыми к произведениям, находящимся на разных уровнях письменности, написанным в одном случае безыскусным, а в другом — поэтическим языком. Несмотря на все различия, эпистола и письмо являются *эпистолярными* произведениями.

Таким образом, в 1748 г. Сумароков считал эпистолярную продукцию принадлежностью как быта, так и литературы. Разделяя эпистолу и письмо, и в то же время рассматривая их в единстве, Сумароков следовал за В.К.Тредиаковским, заметившим, что «Пиитическая Эпистола есть почти тож, что и простая»[17].

Примечательно, что свои взгляды на сущность этих жанровых разновидностей Сумароков излагает именно в *эпистолах*. Традиционно эпистолы «О русском языке» и «О стихотворстве» относятся к дидактическому «роду», призванному поучать большую аудиторию. Автор таких сочинений считает себя вправе образовывать публику, возвышаться над ней, высокомерно язвить своих противников, также включенных в аудиторию.

Позиция Сумарокова заставила Тредиаковского усомниться в том, что его поэтический противник написал эпистолу. Апробируя по распоряжению Академии наук эти стихотворения Сумарокова, он пришел к заключению, что «коль они ни изрядны и ни достойны света; однако ешче б изряднее и достойнее того быть могли, ежелиб в них, особливо ж в первой, меньше было Сатиры, а больше она походила на Епистолу. В ней толь великое чтется язвительство, что

не пороки пишущих больше пятнаются, сколько сами писатели...»[18]. В этом заявлении Тредиаковского читается не только жалоба оскорбленного поэта, но и его представление о поэтических жанрах.

Сам Тредиаковский допускает существование сатирических эпистол, но, по его мнению, насмешки сатирика не должны задевать чести человека. Теоретик полагает, что при всем разнообразии «родов» эпистол, при возможности проникновения в них элементов сатиры, между этими жанрами существует граница. Высмеяв Тредиаковского, Сумароков не удержался в рамках сатирической эпистолы.

Уже в первых эпистолах Сумарокова прослеживается их главный жанровый признак: адресованность широкому кругу читателей, объединенных по социальному или профессиональному признаку.

Отмеченный Тредиаковским «ругательный» пафос сумароковских эпистол ярко проявился в «Епистоле к неправедным судьям». Эта инвектива обращена к целому социальному слою, беспредельная порочность которого переполнила чашу терпения поэта. Если в своих первых эпистолах Сумароков язвил поэтических противников, излагая при этом правила написания произведений различных жанров, то в этом стихотворении он уже не учит, а угрожает:

Иль вы не верите, что Бог неправду мстит,
И вам стенания невинных отплатит?
Иль вы забыли то, что время скоротечно,
И что и на земли нам щастие не вечно?[19]

Для Сумарокова эпистола представляет собой декларацию, номинально обращенную к группе адресатов. Фактически же она должна читаться всеми. Поэтому две первые эпистолы Сумарокова вышли отдельным изданием, а «Епистола к неправедным судьям» была опубликована в издававшейся автором «Трудолюбивой пчеле» (1759).

В 1761 г. Сумароков выпускает в свет «Речь, идиллию и епистолу ... Павлу Петровичу в день его рождения». Входящая в это издание эпистола приурочена к празднику, но при этом не относится к комплиментарной поэзии. Панегирик подменен здесь позитивной программой, предлагаемой поэтом. Сумароков декларирует свое представление о роли и месте царя в обществе:

Всем должно нам любить отечество свое,
А царским отраслям любити должно боле:
Благополучие народа на престоле.
Известно, ГОСУДАРЬ, на свете нам сие,
Что щастье инако от стран не убегает,
Как только естьли Царь свой долг пренебрегает.
Кто больший носит сан, тот пользы и вреда
Удобней обществу соделати всегда[20]

На первый взгляд это стихотворение не связано с предшествовавшими ему эпистолами Сумарокова. Действительно, в «Епистоле ... Великому Князю Павлу Петровичу» отсутствует сатира, зато сохранен дидактизм. Правда, теперь поэт обучает адресата не свысока, а почтительно, не как учитель, а как верноподданный. При этом сам образ адресата не претерпел изменений. Если в своих ранних эпистолах поэт обращался к группе людей, выполняющих общественную функцию, занимающих свое место в социальной пирамиде или относящихся к определенной корпорации, то тот же принцип сохранен и в стихотворении, адресованном Павлу. Поэт обращается к монарху, к человеку, занимающему верхнюю ступень общественной иерархии.

При этом, как и эпистолы-инвективы, данное произведение должен прочитать не только непосредственный адресат, но и вся образованная российская публика. Именно поэтому Сумароков публикует свое сочинение отдельным изданием.

Таким образом, если до 60-х гг. Сумароков «создавал» российский Парнас или очищал государственную систему от неправедных судей, то в 1761 г. он решил декларировать свое мнение о назначении императора в идеально устроенном государстве. При этом все эпистолы Сумарокова, написанные в 40—60-е гг., создавались по одной схеме, имели общий набор признаков.

«Епистола... Павлу Петровичу...» — последняя оригинальная *эпистола* Сумарокова. В 70-е гг. в поэзии Сумарокова стихотворений, определенных автором таким образом, нет. Даже переделанные и объединенные эпистолы 1748 г. в 1774 г. получают название «*Наставление* хотящим быти писателями»(курсив мой — *М.Л.*). К 70-м гг. в эпистолярной поэтической системе Сумарокова закончилось единодержавие эпистолы, ее сменило письмо, жанр, которому тот же автор в свое время отказывал в поэтичности. Вероятно, для Сумарокова чрезвычайно важной была терминологическая точность. Письмо же имеет установку, принципиально отличную от эпистолы.

Во-первых, стихотворное письмо может, но не должно быть опубликовано. Если свои эпистолы Сумароков стремился представить читателям, то написанное, вероятно, после 1769 г. «Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну...» было прочитано публикой лишь в 1781 г. в полном собрании всех сочинений поэта[21].

Во-вторых, письмо пишется частному лицу (исключение составляют панегирические письма, особенности которых будут рассмотрены ниже). Содержание такого стихотворения не связывается с общественной функцией адресата (например, «Письмо ко *приятелю* в Москву» (курсив мой — *М.Л.*)) .

Конечно, «элегические» письма Сумарокова выходили отдельным изданием, но в них нарушался главный признак эпистолы: поэт обращался к *частному* человеку, а не к должностному лицу.

В-третьих, в стихотворных письмах Сумарокова специфичен образ автора. В отличие от творца эпистол, автор писем представляет собой не государственного деятеля, учащего царя или обвиняющего порочных чиновников, и не *настоящего* поэта, регламентирующего поэтические жанры, а «обыкновенного» человека.

В-четвертых, в отличие от эпистолы, письмо относится к разряду камерных жанров, ему чужда установка на ораторскую речь. Если в эпистолах Сумароков использует приемы построения оды и декларирует некую программу («Епистола... Павлу Петровичу»), или уподобляет эпистолу сатире и бичует общественные пороки («Епистола к неправедным судьям»), то некоторые его стихотворные письма ничем не отличаются от элегий. Связь между письмом «на преставление» и элегией ощущалась и современниками поэта.

В самом начале 70-х гг. XVIII в. отдельными изданиями вышли два письма Сумарокова: «Письмо ко княгине Варваре Петровне, дочери графа П.С.Салтыкова, на преставление двоюродныя ея сестры графини М.В.Салтыковой» и «Письмо ко Степану Федоровичу Ушакову, губернатору Санкт-Петербурга, на преставление графа А.Г.Разумовского». В собрании всех сочинений Сумарокова, издававшемся Н.Новиковым в 1781 г., эти письма названы элегиями.

В-пятых, в отличии от эпистолы, стихотворное письмо имитировало письмо почтовое, предполагало его «отправление» адресату. В «Письме ко Степану Федоровичу Ушакову» (1771) читаем:

> Пущенное Тобой письмо ко сей стране,
> Мой друг, уже дошло, уже дошло ко мне...[22]

Таким образом, Сумароков — первый российский поэт, как в теории, так и на практике разделивший эпистолы и стихотворные письма. Говоря о том, что поэтическое эпистолярное творчество этого автора представляет собой модель русской эпистолярной поэзии, мы вовсе не хотим сказать, что в русской поэзии эти жанровые разновидности следовали одна за другой. По всей видимости, в поэзии Сумарокова эпоха эпистол сменилась эпохой писем: во-первых, в силу пересмотра поэтом своих взглядов на письмо (если в «Епистоле о стихотворстве» письмо — жанр не поэтический, то в 60-е гг. XVIII в. оно становится частью его поэтической системы), во-вторых, ввиду общих тенденций развития эпистолярного стихотворства этого автора. Мы можем говорить о некоем «снижении» эпистолярной поэзии Сумарокова от высокой патетической эпистолы к интимному письму.

Вместе с тем в 1775 г. Сумароков оказывается причастным к созданию «*Епистолы* к российским ратникам».

Этот текст относится к ораторским произведениям, однако, в отличие от оригинальных эпистол Сумарокова, он переводной, прозаический и панегирический.

По случаю годовщины заключения Кучук-Кайнаджирского мира (10 июля 1774 г.) в 1775 г. появилось большое количество панегирических сочинений. В основном все они вышли в Москве, поскольку 1775 г. ознаменовался посещением старой столицы императрицей.

Среди авторов сочинений, посвященных победе над Турцией, было немало иностранцев на русской службе. К их числу относился и И.Г.Сен-Никола, брюсселец, с 1770 по 1772 гг. являвшийся лектором французского языка и словесности Московского университета. Именно ему принадлежит напечатанная в 1775 г. в типографии Московского университета «Epître aux soldats Russes».

Сен-Никола никак нельзя отнести к числу плодовитых авторов. За время своего пребывания в России им написано лишь несколько сочинений: «Discourso di felicitazione per il giorno dell illustri...» (1773), «Discours panegyique pour le jour de naissance de Sa Majesté'Imperiale Catherine II imperatrice et autocratrice de toutes les Russies mere de la Patrie prononcé par de St-Nicolas lecteur public et membre de l'Université Imperiale de Moscou» (1771), «Epître aux soldats Russes» (1775) и «L'éloge de la paix, conclue entre la Russie et la Porte Ottomane» (1793).

В последнее сочинение включен несколько переработанный текст «Epître aux soldats»[23]. За те годы, что Россия вела победоносные войны с Турцией, сочинение Сен-Никола не потеряло своей актуальности, оно прекрасно подходило как к Первой, так и ко Второй Турецкой войне. Эпистола российским солдатам представляла текст, легко перестраивавшийся при необходимости. Изменял свое сочинение сам автор, изменяли его и переводчики.

Издание эпистолы Сен-Никола сопровождено переводом, выполненным А.П.Сумароковым. В своей «Истории Екатерины II» В.А.Бильбасов отмечает: «Епистола к российским ратникам напечатана в переводе настолько точном, что выражение des armées, conduites par les Eugenes et les Sobieskis передано так: «воинства, препровождаемые евгениями и собийскими»[24]. Перевод Сумарокова действительно весьма точен, больше того, дальнейший анализ должен доказать участие Сумарокова в самом создании этого произведения.

Вне всякого сомнения в Москве вышло иноязычное издание: название русского города и типографии, в которой произведение было опубликовано, написано по-французски (Imprime a l'Université Imperiale de Moscou l'an 1775). И этот случай не исключительный. Например, в сочинении того же Сен-Никола 1771 г. и Ж.—Ж.Бодуена, занимавшего в 1775 г. должность Сен-Никола в Московском университете, место издания указано на французском языке (по случаю Кучук-Кайнаджирского мира Бодуен пишет «Discours prononceé pour la célébration des fêtes de la paix conclue entre la Russie et la Porte par M. Baudouin lecteur de la langue francois a

l'université imperiale de Moscou»[25]). При этом тексту эпистолы воинам предшествует эпиграф из Вергилия, переведенный Сумароковым:

О воины среди похвал толиких вы
Лавровые венцы взложите на главы[26].

Издание заканчивается оригинальным мадригалом Сумарокова, к сочинению которого Сен-Никола едва ли имел какое-нибудь отношение:

Деля с Румянцовым полки российски честь,
Чтоб лавры новые отечеству сплесть,
Старайтесь мир поставить,
Себя прославить,
Екатерину превознесть
И славе во уста о ней дать нову весть.
Она несется:
Россию раздражив, враг сильный не спасется
И трон воставшего монарха потрясется[27].

Эпистола Сен-Никола и ее перевод связаны с оригинальной одой Сумарокова, посвященной тому же событию, что и эпистола, и написанной в том же 1775 г. («Ода ея императорскому величеству Великой Государыне Екатерине Алексеевне на торжество мира с Портою Оттоманскою»).

Так, в оде Сумарокова читаем:

Росийски ратники не помнят
В часы сраженья о себе,
И только мыслят о победах,
Пренебрегая страх и смерть.
На огнь и воды наступают,
Как быстрыя орлы летят,
И ломят на пути что встретят,
Как *буря* в ярости они[28]

В переводе из Сен-Никола находим: «Зрели вас *орлами*, когда вы взлетали на высоту воздуха,... *бурями* и громами, когда вы сражались на верхах гор»[29] (курсив мой — *М.Л.*).

Нейтральное «soldats» Сен-Никола Сумароков переводит как архаичное «ратники». Это же слово русский поэт употребляет в своей оригинальной оде.

Сходным образом Сумароков-переводчик и Сумароков-оригинальный поэт говорят о счастьи тишины и о роли Екатерины в наступившем благоденствии. В оде читаем:

Настала тишина драгая
И торжествует ныне мир.
Война и брани миновались,
Не мещет уж Беллона стрел.

О матерь своего народа,
Внемли, что россы днесь гласят:
Колико ты врагам ужасна,
Толико чадам ты мила[30].

В эпистоле находим: «А ныне, храбрые воины, когда свирепая и кровопролитная война уступила место миру венчающему вас бессмертною славою ... наслаждайтесь спокойно приятностию славныя жизни приобретенныя вашим победоносным оружием», и далее: «наслаждайтеся благоволением вашея самодержицы, правящая вашим воинским распалением»[31].

Таким образом, можно предположить, что сочинение Сен-Никола, переведенное Сумароковым, создавалось при участии русского поэта. Оно находит соответствия в оригинальном поэтическом творчестве Сумарокова. Однако текст бельгийского автора связан не только с конкретным произведением Сумарокова, но и со всей русской одической традицией.

В 1775 г. в Москве вышла «Ода на торжество заключения мира между Россией и Оттоманской Портою, сочиненная в Императорском Московском университете Иваном Верещагиным». Стихотворение это написано в то же время, по тому же поводу и издано в том же городе, что и произведение Сен-Никола-Сумарокова и ода Сумарокова. Сопоставление текстов дает весьма любопытные результаты.

В переводе эпистолы Сен-Никола читаем: «Европа, спокойный зритель седмилетней войны, выдержанной вами, могла судить ваше мужество, вашими подвигами, противу воинственного народа тем более страшного, что он покорил и поколебал области»[32]. Сен-Никола упоминает изумленную Европу, поскольку в своем сочинении он представляет иностранца, пораженного подвигами российских солдат. Его устами говорит *вся* Европа. Это тем более верно, что Бодуен в уже цитированном произведении также пишет об аплодисментах Европы (l'applaudisment de l'Europe) в адрес Екатерины.

Аналогичный пассаж находим в оде Верещагина:

Стоит Европа изумленна,
Чудясь Всевышнего судьбам,
Что так Россия предпочтенна
Владычества ея странам[33].

Уже цитированному уподоблению Сен-Никола российских воинов орлам и бурям соответствует следующее место из оды Верещагина:

Уже Российския Паллады
От южных стран *орлы* летят...
Не знает Росс себе препоны,
Везде отверст зрит к славе путь,
Где слабы целы миллионы

Желанной цели досягнуть,
Трофеи тамо поставляет,
Как *бурным вихрем* возметает
Противных от живых земля...(курсив мой- *М.Л.*)[34]

И Сен-Никола, и Сумароков, и Верещагин говорят о наступлении мира, о благословенности «тишины»: «... предайте в недра мира оружие свое, еще дымящееся кровию врагов ваших...» (Сумароков)[35],

Молчите, пламенные звуки,
Престаньте колебать землей,
Вы в сильныя Героев руки
Примите розы и лилей,
И в ножны шумный меч вложите,
С покоем тишину несите
В поля, дубравы, лес и град... (Верещагин)[36]

Но если Верещагин ориентируется на Ломоносова (Молчите, пламенные звуки, И колебать престаньте свет...[37]), то Сен-Никола и Сумароков создают французско-русскую эпистолу, заключая ее в контекст всей русской одической традиции. Известно, что тема «тишины», упоминаемой Верещагиным и Сумароковым в одах, и мира, о котором пишет Сен-Никола, занимает огромное место в русской одической традиции.

Таким образом, интересующая нас французская эпистола и ее русский перевод связаны не только с одами 1775 г. Некоторые образы, использованные Сен-Никола и Сумароковым, можно назвать вполне одическими, восходящими к одам Ломоносова.

Итак, проведенный анализ показывает, что «Епистола к российским ратникам» связана с одой. Эти жанры объединяет не только образная система, но и сама ориентация на декламацию перед большой аудиторией. Вне всякого сомнения «Епистола», как и упоминавшиеся оды Сумарокова, Верещагина и т.д., принадлежит к числу ораторских жанров[38].

Вместе с тем «Епистола к российским ратникам» оказывается близкой и к составленному 22 сентября 1762 г. Манифесту, обращенному к возвращающимся из Пруссии русским войскам. Кажется, что Сен-Никола переписывает Манифест Екатерины II. Российская императрица пишет: «Бывшая чрез шестилетнее время Прусская война всему свету доказывает тоже мужество и храбрость оружия Нашего, с которыми оно в пределах неприятеля своего неутомленно действовало против соперников своих, а наконец доказало многими кровопролитными сражениями, что не токмо ни мало не уступало сильному и славному в свете перед собою неприятельскому войску, но и победоносно торжествовало над ними многократно»[39]. Приведем еще раз аналогичную цитату из перевода эпистолы Сен-Никола: «Европа, спокойный зритель седмилетней

войны выдержанной вами, могла судить ваше мужество, вашими подвигами, противу воинственного народа, тем более страшного, что он покорил и поколебал области. Вы воевали противу войск, не боящихся... чудесную показали храбрость и победили их»[40]. Сходство этих отрывков несомненно. Объяснить его можно тем, что анализируемая эпистола является примером выполнения социального заказа. По всей видимости Сумароков, исполняющий правительственное распоряжение, берет за основу французской эпистолы (и, конечно, своего русского перевода) Манифест императрицы. Именно поэтому текст эпистол и текст Манифеста одинаково организованы, совпадают на содержательном уровне. Однако сама возможность использовать при написании эпистолы *Манифеста* демонстрирует связь интересующего нас жанра с программными воззваниями.

Таким образом, эпистола Сен-Никола и ее перевод Сумарокова входит в число ораторских жанров, как литературных, так и нелитературных, адресованных широкой социальной группе (в данном случае воинам). К ораторским жанрам относились и стихотворные эпистолы Сумарокова. Значит, в творчестве этого автора принципы создания эпистол сохранились без изменения. И все-таки «Епистола российским ратникам» разительно отличается не только от эпистол Сумарокова, но и от русских эпистол вообще. Несмотря на то, что Сумароков принял активное участие в подготовке текстов, вошедших в интересующее нас издание, он не создал оргинального русского произведения. В русской литературе эпистола — жанр принципиально стихотворный. Именно эту идею декларировал «русский Буало» в своих первых эпистолах 1748 г. Прозаические эпистолы на русском языке всегда представляют собой перевод с иностранного языка. Так, например, в «Праздном времени в пользу употребленном» за 1759 г. встречается большое количество прозаических эпистол с указанием на датское происхождение оригинала[41].

Таким образом, перевод Сумароковым эпистолы Сен-Никола, во многом ориентированной на русские риторические жанры, оказывается вписанным в ряд стихотворных эпистол Сумарокова, и, вместе с тем, по традиции ощущается как произведение переводное.

Текст Сен-Никола представляет собой пример французской эпистолы, созданной в России, и поэтому восходящей как к русской, так и западноевропейской традиции. Однако это необычное произведение включается в литературное творчество Сумарокова и становится частью всей русской эпистолярной системы XVIII в.

В дальнейшем предпринималась попытка окончательно ассимилировать это сочинение Сен-Никола, но неизвестный автор нового, достаточно свободного переложения французской эпистолы, свое произведение противопоставлял переводу Сумарокова. Стремясь сделать эпистолу Сен-Никола фактом русской литературы, новый

переводчик боролся с тем переводом, который буквально следовал за текстом оригинала (а точнее, предвосхищал французский текст).

Итак, в петербургском историческом журнале «Собрание различных сочинений и новостей» в феврале 1776 г. появилось произведение, получившее название «Епистола российским воинам». В этом сочинении без труда узнается «Epître» Сен-Никола. Однако в этой эпистоле нет упоминаний о французском оригинале.

Переводчик из «Собрания различных сочинений» сразу же отменяет установку Сумарокова на восприятие текста как иноязычного: если автор второго перевода пишет, что Европа восхищается российскими солдатами, то это заявление может выглядеть лишь как декларация *русского* автора (Сумарокову было важно, что о восторге Европы пишет *европеец*), если автор второго перевода предполагает реакцию западных соседей, то Сумароков буквально приводит слова бельгийца.

В ситуации, когда французское слово позволяет несколько русских эквивалентов, петербургский переводчик выбирает те варианты, которые не использовал Сумароков. Например, если Сумароков французское «soldats» последовательно переводит как «ратники» (о чем мы говорили в связи с одой Сумарокова), а «guerries» как «воины», то в петербургском переводе «guerries» — «ратники», а «soldats» — «воины». Конечно, для русского языка и «ратник», и «воин» — слова, представляющие собой равноуровневый вариант нейтрального «солдат», но сам факт использования переводчиками одних и тех же русских эквивалентов и при этом желание второго русского автора не повторять Сумарокова, выдает попытку петербургского переводчика отмежеваться от перевода Сумарокова.

Иногда петербургский автор оказывается к тексту оригинала ближе, чем Сумароков. Например, французское «Vos Trophees» Сумароков переводит как перифраз: «знамена побед ваших», а неизвестный переводчик дословным — «ваши трофеи».

При этом Сумароков не допускает фактических изменений французского подлинника, не упускает ни одной детали из эпистолы Сен-Никола. Так, Сен-Никола прославлял Румянцева (главного героя Турецкой войны), А.Орлова (Чесменского героя) и П.Панина (покорителя Бендер). Последний, как известно, гордился своей победой, однако императрица была недовольна, что после практически бескровных побед при Ларге и Кагуле под Бендерами русские потери составили чуть ли не 7000 человек. Из-за интриг Прасковьи Брюсовой Петр Панин был отстранен от командования Первой армией (он уступил место брату Брюсовой — графу П.А.Румянцеву)[42]. Уже после войны императрица была разгневана перепиской Панина с наследником. По всей видимости такое отношение императрицы к покорителю Бендер объясняет отсутствие имени Панина в тексте второго перевода эпистолы Сен-Никола. Зато в прославлении Орлова автор петербургского перевода идет

дальше Сен-Никола: в 1776 г. Орлов сравнивается с Фемистоклом и Малциадом.

Новый переводчик создает свой текст, умалчивая о наличии русско — французского оригинала Сен-Никола — Сумарокова и отталкиваясь от перевода Сумарокова. По-видимому, петербургскому автору необходимо избавиться от следов оригинала: с этой целью он не отмечает переводного характера эпистолы и по возможности избегает повторения перевода Сумарокова. Если Сумароков включает «Епистолу российским ратникам» в свою эпистолярную систему как иностранное сочинение, то неизвестный переводчик создает *оригинальную русскую прозаическую* эпистолу (правда, указание на жанр выдает в этом тексте переводное сочинение).

Итак, в своем творчестве Сумароков четко разводит эпистолы и стихотворные письма. Для него они разделены не только правилами написания, но и временем создания. Тот факт, что в оригинальном торчестве Сумарокова эпистолы и письма не сосуществуют, а сменяют друг друга, может определить тенденции развития всего творчества русского поэта.

Конечно, перу Сумарокова принадлежат произведения и других эпистолярных жанров: «стихи к» («Стихи И.А.Дмитриевскому»(1757), «Стихи графу П.А.Румянцову» (1774)), «ответ» («Ответ на оду. В.И.Майкову»(1776)), «цидулка» («Цидулка к детям покойного профессора Крашенинникова»(1760). Однако все эти эпистолярные тексты лишь косвенно относятся к генеральной линии развития русского поэтического послания, включающей в себя историю и взаимодействие таких жанровых разновидностей, как эпистола, письмо и послание. Правда, свое место в поэтическом творчестве Сумарокова находит и произведение, обозначенное как послание.

В конволюте 1777 г., включающем сочинения Сумарокова, находится стихотворение, получившее название: «Послание г. Сумарокова, написанное им при смерти к одному его другу». По своему тону этот текст повторяет сатирические эпистолы Сумарокова:

> Сколь жалок, верный друг, мне жребий твой таков,
> Что провожая жизнь без всякой в жизни лести,
> Останешься ты там, где нет ума и чести[43]

Стихотворение, не выходящее из эпистолярного контекста Сумарокова, определяется как «послание»; перестройка эпистолярной поэтической системы, намеченная в «Послании к слугам моим ...» Фонвизина, нашла продолжение в 70-е гг., за несколько лет до массового проникновения в русскую поэзию стихотворений, получивших такое название.

В эпистолярном творчестве Сумарокова прослеживаются связи эпистолы с другими жанрами. Так, стихотворные письма Сумарокова могут ориентироваться на дружеское прозаическое письмо или

элегию, а эпистолы оказываются связанными с сатирами или панегирическими одами.

Русская панегирическая ода и эпистола

Несмотря на то, что представленный материал позволяет выявить признаки, разделяющие русские эпистолы и стихотворные письма, поэтическое творчество Сумарокова не включает всех элементов русской эпистолярной поэтической системы 30—70-х гг. XVIII в. Так, среди посланий Сумарокова практически нет произведений панегирических (исключение составляют лишь стихотворное «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой» и *переведенная* с французского *прозаическая* «Епистола российским ратникам»).

Вместе с тем выбор автором русского панегирического эпистолярного стихотворения XVIII в. того или иного жанрового наименования осуществлялся не произвольно. Внутри всей эпистолярной поэтической системы, включающей в себя множество «родов», существовала панегирическая система, также состоящая из эпистол и писем. Такого рода послания создавались по образцу торжественной оды.

Так, в 1762 г. М.М.Херасков создает «Епистолу ко пресветлой державнейшей Великой государыне Императрице Екатерине Алексеевне Самодержице Всероссийской, принесенную в день Тезоименитства ея императорского величества». Замечательно, что эпистола Хераскова не только тяготеет к панегирической оде, но и оформляется как ода. Она не *посылается*, как послание, но *подносится*, причем подносится от лица Академии наук. Тем самым нарушается главный жанровый признак эпистолы: оформление ее как разговора с отсутствующим.

Это стихотворение Хераскова является классическим примером поздравительной эпистолы, адресованной Екатерине II, а в русской поэзии едва ли можно найти автора, не подносившего панегирической эпистолы монархине. Кроме Хераскова, такого рода произведения *сочиняли* или *подносили* и В.И. Майков, и Е.И.Костров, и А.И. Перепечин и т.д.

Таким образом, эпистолярные панегирические стихотворения XVIII в., восходящие к русской одической традиции, должны обозначаться авторами как *эпистолы*. Однако среди таких эпистолярных стихотворений встречаются и письма.

Примером панегирического письма может служить «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой» (1774) А.П.Сумарокова. Это комплиментарное сочинение строится так же, как и торжественные эпистолы императрице: автор просит адресата принять приношение. Такого рода просьбы были характерны для русских комплиментарных прозаических эпистолярных произведений. Напри-

мер, в адресованном Екатерине «Письме ..., в котором приносится благодарность от получившаго ея Милости Коллежского Советника Державина» (1777) читаем: «Ты, которая похвалами своими наскучила, но не наскучила своими добродетелями; *прими* сие ничтожнейшее *приношение* моея искренности...» (курсив мой — *М.Л.*)[44]. В «Письме к девицам» Сумарокова находим:

Примите от меня,
Вещающа хвалу вам, девы, не маня,
Наполненнаго к вам почтением отличным
Кто не был никогда на свете двуязычным,
Письмо сие! (курсив мой — *М.Л.*)[45]

Кажется, что признак, на основании которого выбирается жанровое наименование стихотворного произведения, очевиден: императрице адресуются ораторские, «громкие» эпистолы, ее подданным — интимные, «тихие» письма. Однако среди стихотворений 30—70-х гг. XVIII столетия можно встретить большое количество торжественных панегирических писем, а также эпистол, адресованных не императрице.

Представляется, что и в комплиментарной эпистолярной поэзии, включающей в себя эпистолы и письма, скрывается закономерность, подчиняющая себе выбор автором того или иного жанрового обозначения.

Адресат панегирического стихотворения должен получать *эпистолу*. Если же, обращаясь к герою, автор упоминает и прославляет императрицу, достижения непосредственного адресата объясняет деятельностью Екатерины II, то стихотворение называется *письмом*. В «Письме к девицам» Сумароков неоднократно отмечает, что российский театр расцветает благодаря Екатерине (императрица «садила сей полезный вертоград», «когда она на троне возблистала, // Покровом муз и вас и славой росской стала»[46]).

В «Эпистоле его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову» (1791) Е.Костров пишет:

Суворов! громом Ты крылатым облечен,
И молний тысящью разящих ополчен,
Всегда являешься во блеске новой славы,
Всегда виновник нам торжеств, отрад, забавы![47]

Все эти достоинства принадлежат полководцу от природы, прославляя военачальника, поэт ни разу не обратил внимание на роль императрицы в процессе становления военного гения Суворова. Конечно, воспевая победу русского полководца, автор не может обойти вниманием Екатерину. Однако говоря: «Пред светом *оправдал* Ты дух Екатерины» (курсив мой — *М.Л.*)[48], Костров лишь подчеркивает заслуги Суворова, подтвердившего перед всем миром ве-

личие русской императрицы. Поэтому главному герою стихотворения адресуется *эпистола*.

Иначе строится «Письмо к его сиятельству Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на случай поражения Визиря с главными силами при реке Рымник» (1789) Д.И. Хвостова.

Как и Костров, автор письма говорит о многочисленных талантах и заслугах своего родственника — полководца:

Не тьмой оружиев, не многими полками
Победу льзя купить, но храбрыми руками.
Чрез твой отличный дар преславный Турков день
Преобразился им в угрюму нощи тень[49]

Но, в отличие от *эпистолы* Суворову, автору *письма* важно показать, что все заслуги полководца напрямую связаны с Екатериной, ее образ возвышается над прославленным военачальником.

Зачин стихотворения посвящен императрице. Сам Суворов изображен как гений, но гений екатерининского века: «К царице верностью, к отечеству любовью // Все почести купил своим раченьем, кровью», или «Увенчан лаврами, любим Екатериной, // Доволен будь своей Суворов ты судьбиной», или «Суворов славный муж, почтенный человек // Россию украшал в Екатеринин век»[50].

Еще отчетливее зависимость гениальности героя от деятельности императрицы прослеживается в «Письме его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцову» (1775), написанном В.И.Майковым. В отличие от письма Суворову, автор которого говорит о полководце как человеке, уступающем императрице по значимости, но при этом все-таки сохраняющем некую свободу от монархини, Румянцов в письме 1775 г. рассматривается как креатура Екатерины, создавшей условия для появления гениев. Конечно, «в Румянцове едином сияют Мальборук и купно с Мазарином», но при этом

Румянцов сам с способностью своей
Едва ли бы достичь возмог до славы сей.
ЕКАТЕРИНА путь тебе к тому открыла...[51]

Использование этого приема связано не столько с желанием показать, почему мог состояться тот или иной герой, сколько в целях комплиментарных. Императрица может восхваляться не только непосредственно, но и косвенно, в стихотворных письмах, адресованных ее подданным.

Так, В.Петров в «Письме» Г.Орлову пишет, что Россия

Из Спарты пременясь в цветущия Афины,
Гремит днесь именем своей ЕКАТЕРИНЫ[52]

Произведения такого рода появляются уже в доекатерининский период. В «Ежемесячных сочинениях» (1756) помещено панегирическое стихотворное «Письмо к г.В.», объектом воспевания в ко-

тором является не адресат, а императрица. Адресат становится лишь средством прославить Елизавету, а само обращение к «г.В.» риторическим приемом. Автор (по мнению П.Н.Беркова, это стихотворение написано М.В.Ломоносовым[53]) рассказывает г.В., что

... коль блаженны мы владычицей такою
Что управляет толь премудро свой народ,
Где ни малейших нет мятежей и погод.
Щастливых царств пример есть наше государство,
Она примером глав, помазанных на царство...[54]

Таким образом, русская императрица может воспеваться как в подносимых *эпистолах*, так и в *стихотворных письмах*, адресованных ее подданным. Вместе с тем русская эпистолярная поэзия XVIII в. допускает поднесение императрице панегирических *писем*. Эти случаи редки, но не исключительны.

Подобным примером является «Письмо к Ея Императорскому Величеству Екатерине II Самодержице Всероссийской при переводе Енея, героической поемы П.В.Марона» (1786) В.Петрова. Несмотря на всю свою комплиментарность, на связь с адресованными императрице «епистоламиъ», оно имитирует интимную переписку. Поэт заявляет, что его письмо содержит в себе информацию (о переводе «Энея» Вергилия), владеть которой должна в первую очередь Екатерина:

Труд кончан, с песнями Мароновой я лиры
Теку под тень Твоей, Монархиня, порфиры...
Так подвиг я свершив, не ставя той в заслугу,
К Тебе как к лучшему наук священных другу,
Исполнен радости, Монархиня, лечу,
Да мой успех Тебе всех прежде *сообщу*
(курсив мой — *М.Л.*)[55]

Лишь поэт и просвещенная императрица могут оценить всю грандиозность труда Петрова. Автор искусственно выключает из числа читателей «Письма» всех невегласов, не способных понять его творение:

Пусть чем хотят други любуются умы,
Но веселимся сим успехом двое мы[56]

Вместе с тем «Письмо» Петрова иллюстрирует и рассмотренную нами эпистолярную панегирическую систему. Несмотря на адресацию стихотворения императрице, перед нами правильное комплиментарное *письмо*, а не эпистола. Как и в проанализированных выше панегирических письмах, Петров прославляет императрицу через голову воспеваемого деятеля. Но, в отличие от традиционных писем, прославляемым объектом является сам автор:

И просвещен Тобой, мне мнится, я постиг
Ту в тонкость тайну, чем быть должен красен стих...
И угождаючи, Богиня, я Тебе,
Храм славы невзначай отверзу и себе[57]

Подобно тому, как без Екатерины Румянцев не стал бы великим полководцем, Петров без императрицы не стал бы великим поэтом.

Таким образом, оригинальное стихотворение Петрова подчиняется правилам разделения эпистол и писем. Несмотря на то, что комплиментарные послания императрице должны называться эпистолами, Петров, отвергая в своем панегирике это наименование, ориентируется также на интимное письмо.

Итак, рассмотренная эпистолярная поэтическая система XVIII в. была весьма строгой. Выбор названия эпистолярного стихотворения диктовался жесткими правилами. Вместе с тем некоторые русские поэты XVIII в., не нарушая выявленные правила выбора эпистолярного названия стихотворения, использовали то или иное жанровое наименование в полемических целях.

«Эпистола» и «письмо» в литературной полемике 30 — 60-х годов XVIII в.

Русская эпистолярная поэзия 30—40-х гг. XVIII в. формировалась под влиянием посланий Горация. Дружеско-морализаторская эпистола Горация, ориентированная на разговор, требующая переписки и являющаяся образцом для русской эпистолярной поэзии, называется Кантемиром «письмом» (так русский поэт определяет и свои оригинальные сочинения рассматриваемого жанра). В этом скрывается противоречие: античный классик писал «epistolae», а Буало — «epître»; В.К.Тредиаковский же отмечает, что латинскому «epistolae» и французскому «epître» соответствует русское — «эпистола», в то время как латинскому «litterae» и французскому «lettres» — русское «письмо»[58].

СамТредиаковский доминирующей формой жанра считает панегирическую эпистолу, не имеющую ничего общего с дружеской перепиской. В его единственном произведении этого жанра — «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину» адресатом становится бог поэзии, обративший, наконец, внимание на Россию, а адресантом — не философствующий поэт-горацианец, а вся российская поэзия.

По всей видимости, формируя русскую эпистолярную поэзию, Кантемир и Тредиаковский вводят в нее и горацианские *письма*, и панегирические *эпистолы*. Естественно, весь русский эпистолярий этим не исчерпывается, но отмеченные различия между эпистолами и письмами становятся заметными при сравнении творчества Кантемира и Тредиаковского. Весь набор признаков письма, сформу-

лированный Кантемиром, и основные жанровые ориентиры эпистолы Тредиаковского нашли отражение в русских посланиях XVIII в.

На протяжении всего своего творчества Кантемир и Тредиаковский остаются верными выбранным ими жанровым обозначениям: если перевод трактата Фенелона «О существовании и атрибутах Бога» Кантемир называет «Письмами о природе и человеке», то свой перевод того же французского сочинения Тредиаковский подразделяет на «эпистолы».

И все же для Кантемира и Тредиаковского русская эпистолярная поэзия не стала предметом дискуссии. В свою очередь Ломоносов и Сумароков не только придерживались определенного названия жанра, но и использовали его в своей литературной полемике.

Если до 70-х гг. Сумароков не называл послания письмами, то Ломоносов все свои эпистолярные стихотворные сочинения определял как письма. В поэтическом творчестве Сумарокова стихотворные письма появились уже после смерти Ломоносова, так что в 40—60-е гг. позиции обоих поэтов относительно выбора жанрового наименования были принципиальными.

Не принимая сумароковскую иерархию жанров, Ломоносов не соглашается и с терминологией своего оппонента. Через 10 лет после того, как Сумароков представил жанровую систему русской поэзии, где, в частности, развел эпистолы и письма, Ломоносов создает свое «Предисловие о пользе книг церковных». В этом сочинении из всех многочисленных видов посланий выбираются лишь дружеские письма. Так, автор замечает, что «средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения словенские, в высоком штиле употребительные...». Этим «штилем» пишутся «стихотворные дружеские письма, сатиры, элегии и эклоги»[59].

Подобно тому, как Кантемир и Тредиаковский «специализировались» на одним «роде» послания, Сумароков пишет эпистолы, Ломоносов же — дружеские письма. Однако такое разделение оказывается упрощенным. Во-первых, как отмечает П.Н.Берков, ломоносовское разделение по штилям является реакцией на предложение Сумарокова (в эпистоле «Желай, чтоб на брегах...») разделить Парнас с Ломоносовым[60]: жанры, культивируемые Сумароковым, Ломоносов относит ко второму ряду. Во-вторых, эпистолярные стихотворные произведения Ломоносова не относятся к дружеской переписке, предполагающей равенство между адресатом и адресантом (неслучайно еще Н.Ф.Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» обратил внимание на соблюдение Ломоносовым субординации: в своих стихотворных письмах он никогда не называл И.Шувалова другом[61]).

Для Ломоносова стихотворные письма не предполагают широкой аудитории. В своем «Кратком руководстве к риторике на пользу

любителей сладкоречия» он относит письмо к разряду речей «приватных», а не «публичных»[62].

Все написанные Ломоносовым стихотворные письма («Письмо к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову» (1750), «Письмо о пользе стекла ... Ивану Ивановичу Шувалову»(1752), «Его сиятельству графу Григорию Григорьевичу Орлову ... поздравительное письмо ...»(1764)) адресуются «вышестоящему», принадлежат к разряду рассмотренных выше панегирических писем, через голову непосредственного адресата прославляющих императрицу. В письме Шувалову Ломоносов пишет:

Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елизавет.
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов[63]

По всей видимости, Ломоносову принадлежит разработка рассмотренной выше формулы панегирического письма: никогда бы адресат не был тем, кем он является, если бы не императрица.

Итак, упоминая в своем сочинении, призванном регламентировать «штили» литературных жанров, только дружеское письмо, Ломоносов на практике создает панегирические стихотворные письма. При этом Ломоносов полемизирует с Сумароковым, в своих эпистолах о языке и о стихотворстве отказывавшим письмам в принадлежности к поэтическим жанрам.

Проделанный анализ позволяет прийти к следующим выводам: эпистолы и письма сосуществуют в русской поэзии XVIII в., они представляют собой разновидности одного жанра, призванные охватить все разнообразные виды послания. Конечно, граница между письмами и эпистолами остается достаточно зыбкой, регламентированная эпистолярная система подчас допускает исключения. Например, свое явно вторичное по отношению к «Епистоле о стихотворстве» стихотворение «Когда я вображу Парнасских муз собор» М.М.Херасков называет «Письмо»[64]. Но в общем целом эпистолы и письма разводятся четко. Поэтому, рассматривая возможность скрытой полемики относительно интересующего нас жанра между Тредиаковским и Кантемиром, Ломоносовым и Сумароковым, мы замечаем, что «противники» не разоблачают чужое представление, а предлагают свое. Каждый поэт сводит всю эпистолярную поэзию к какому-то одному «роду» послания и поэтому повторяет только выбранное им название жанра. И действительно, создаваемые Кантемиром дидактические беседы стали в дальнейшем называться письмами, а панегирик Тредиаковского положил начало панегирической эпистоле. Ломоносов создал панегирическое *письмо*, а Сумарокову принадлежат все виды писем и эпистол. Таким образом, каждый ведущий русский поэт середины XVIII в. внес свой вклад в создание жанра стихотворного послания.

Проведенный анализ показывает, что эпистолы и письма обладали рядом формальных признаков, разводящих эти жанровые разновидности послания. В русском стихотворстве XVIII в. обнаруживаются примеры кажущегося отступления автора от этого правила.

Одним из главных дифференцирующих признаков эпистолы и письма является ориентация стихотворного письма на прозаический эквивалент и принадлежность эпистолы исключительно к поэтическим жанрам. Мы уже отмечали, что прозаическая эпистола принципиально чужда природе этой жанровой разновидности, и в тех редких случаях, когда в русской литературе появляются прозаические эпистолы, мы имеем дело с переводным произведением или сочинением, заявленным как переводное.

Однако во второй половине XVIII столетия в русской литературе появляется текст, сочетающий в себе стихи и прозу, поэтическую эпистолу и прозаическое «письмо вышестоящему». Речь идет о послании, названном: «К наук покровителю его высокородию господину бригадиру Федору Ивановичу усерднейшему сыну отечества господину Дмитриеву-Мамонову. Епистола» (1770).

Это произведение заявлено как эпистола: об этом говорит название сочинения. Начало этого текста характерно для панегирических произведений, эпистол или писем:

Любитель истины, достойный гражданин,
И пользе общества усердствующий сын,
Мамонов, просвети мою своим мысль светом,
Тебе союз вещей и сокровенных ведом[65]

Перечисление превосходных качеств, предшествующее торжественному обращению к адресату и следующему затем императиву было общим местом в панегирических посланиях. Так, в комплиментарных письмах В.Петрова Г. Орлову находим:

Ревнитель истины, почтенный гражданин,
Споспешник общих благ, прямой России сын,
Что не обманчивым грядешь в храм чести следом,
И коему весь путь к блаженству смертных ведом,
Орлов! Открой ты мне, чем общества цветут... (1769)[66]

или

Усердный своего Отечества любитель,
Великая душа, прямых доброт обитель,
Подвижник выше всех, кто носят лавр борцов,
Гражданских тысячи достойнейший венцов,
Орлов! Так ты принял толь хвальную отвагу... (1772)[67]

В дальнейшем этот прием автоматизировался и начал пародироваться. Так, в помещенном в «Собеседнике любителей русского

слова» (1783) анонимном «Послании к господину Чудихину» читаем:

Полуздоровый муж, лекарства обожатель,
Игралище примет и бабий подражатель,
Чудихин, я с тобой намерен говорить...[68]

Таким образом, интересующая нас эпистола включается в контекст аналогичных панегирических *стихотворных* произведений. Однако в эпистоле Дмитриеву-Мамонову стихотворная часть является лишь декорацией, предваряющей то, что Ломоносов называет «приватной речью», речью прозаической и благодарственной: «О добродетелью украшенный муж, коль ты меня удивляешь премудростью дел своих, самое отечество, взирая на твои усердные труды, так к своим гражданам говорит: «Любезные граждане, что если бы все такое расположение духа имели»[69]. Прозаическая часть напоминает эпистолу Сен-Никола российским солдатам.

Правда, заканчивается послание Дмитриеву-Мамонову стихотворным обращением к покровителю:

Воззри, отечество, на сердце сего сына,
Для щастия людей цветет его судьбина,
Мамонов мне тогда блаженство даровал,
Когда под бременем я бедности стенал.
Ничто не повредит души моей покою,
Когда сень крыл твоих прострется надо мною[70]

Автор выполняет все основные требования, предъявляемые к правильной панегирической эпистоле: разделяет ее на три части, делая вступление и заключение подобными тем же разделам аналогичных поэтических текстов. Обрамляя прозаическую основную часть стихотворными разделами, поэт создает видимость традиционной для русской панегирической поэзии формы. Поэтому, в отличие от французской эпистолы Сен-Никола, задуманной как прозаическое сочинение, эпистола Дмитриеву- Мамонову относится к стихотворным произведениям.

Вместе с тем, относясь к поэтическим посланиям, эпистола Мамонову сохраняет связь и с деловым письмом. После основного текста следует этикетная приписка: «Вашего высокородия преданнейший слуга Павел Донбовцев, студент Московского университета»[71] (эпистола Сен-Никола также оканчивалась словами: «Почитатель вашего воинского действия де Сентниколя»).

Таким образом, эпистола Дмитриеву-Мамонову, несмотря на всю свою внешнюю нетрадиционность, на связь с риторической прозаической европейской эпистолой, не отделяется от русских панегирических посланий, не выходит за рамки жанрового канона. Необычность этого текста определена авторским замыслом, в то время

как не менее «оригинальная» эпистола принадлежит самому адресату стихотворения.

Эпистола — жанр, сходный с деловым письмом, но при этом предполагающий некоторую условность, не сводящийся только к разговору с непосредственным адресатом. Конечно, риторические изыски могут быть допущены и в прозаическом эпистолярном тексте. Так, например, Вольтер в письме Екатерине Великой, датированном 6 октября 1774 г. и посвященном Пугачеву, пишет: «Вы [Пугачев — М.Л.] винноваты не токмо против моей Августейшей Императрицы, которая бы вас помиловала, но вы виноваты против целой империи, которая вас отнюдь не простит. Теперь позволь мне начать разговор с моей самодержицей»[72]. Риторические обращения к другим людям использовались в эпистолярной поэзии довольно часто, но такого рода смешения адресатов не должны быть противоречивыми.

В 1770 г. отдельным изданием вышла «Эпистола от генерала к его подчиненным, или Генерал в поле с своими войсками, изданная сочинителем Аллегории» (Ф.И.Дмитриевым-Мамоновым). Этот текст не является традиционным стихотворным письмом поскольку, во-первых, уже в названии указываются адресат и адресант, во-вторых, свои мысли автор излагает от лица некоего генерала (сам Дмитриев-Мамонов с 1769 до 1770 г., до самой отставки, был лишь бригадиром). Эпистола начинается с объяснения с подчиненными:

Послушайте, друзья, послушайте, о дети,
Вам должно всем меня отца вместо иметь,
Мне важно вас иметь как истинных детей,
Вы зиждите мне честь на храбрости своей[73]

После распределения обязанностей следуют рассуждения, состоящие из трюизмов:

Послушайте о вы, чины все рядовые,
Чтоб способ вам иметь победы таковые...
Война есть двух родов, один род наступать,
Другой есть род войны себя оборонять[74]

Некоторые подчиненные не вызывают у сочинителя никакого расположения. Так, косцы, представленные автором как неполноценные солдаты, характеризуются очень резко:

...чернь всегда есть жадна домы брать,
Вовнутрь ворваться сел и там все силой брать[75]

Затем автор обращается к читателю, к уклоняющимся от службы соотечественникам и даже к неоднократно побиваемым врагам. Все стихотворение распадается на множество обращений, объеди-

ненных одним общим названием: «Эпистола от генерала к его подчиненным».

Подобно тому, как прозаическая форма основной части не помешала посланию Дмитриеву-Мамонову войти в число поэтических эпистол, множество противоречивых воззваний к различным адресатам позволило «Эпистоле генерала» остаться эпистолой. Самим названием стихотворения Дмитриев-Мамонов снимает вопрос о его жанровой принадлежности.

Таким образом, тексты, связанные с именем Ф.И.Дмитриева-Мамонова, не выходят за жанровые рамки эпистолы. Рассмотренные сочинения иллюстрируют некоторые процессы, происходящие *внутри* жанра, в то время как границы самого жанра оставались достаточно устойчивыми.

Итак, приведенный материал призван продемонстрировать тот факт, что в XVIII в. выбор жанрового обозначения эпистолярного стихотворного произведения проходил не произвольно, а вполне осмысленно, подчиняясь строгим правилам. При этом общие отличия эпистолы и стихотворного письма можно выявить независимо от времени написания того или иного стихотворного текста. Однако наша задача заключается не только в нахождении дифференциальных признаков, разводящих эпистолы, письма и послания, но и в определении направления эволюции самого жанра. Взаимоотношения между эпистолой и письмом необходимо рассматривать динамически, в соответствии с изменением тенденций в русской поэзии XVIII в. При рассмотрении жанра послания в его развитии можно заметить, что в разное время доминируют определенные «роды» эпистолы, оставляя другим эпистолярным разновидностям место на периферии. Затем в эпистолярной системе центральное положение начинает занимать некогда второстепенный «род».

«Роды» эпистолы в русской поэзии 30 — 70-х гг. XVIII в.

Нравоучительная эпистола в русской поэзии.

Как показывает материал, первая половина XVIII в. не может дать четкого представления о направлении развития послания ввиду малого количества произведений этого жанра. Правда, тенденции развития некоторых тем, в конечном счете и определяющих принадлежность послания к тому или иному «роду», были заметны в эпистолярных произведениях поэтов первой половины столетия. В середине века количество эпистолярных поэтических текстов значительно расширился.

Основой творчества поэтов херасковского круга начала 60-х гг. XVIII в. является тема добродетели, единственного средства исправления порочных современников[76].

Г.Флоровский писал, что «первое Петровское поколение было воспитано на началах служилого утилитаризма ... В строительной сутолоке Петровского времени некогда было одуматься и опомниться. Когда стало свободнее, душа уже была растрачена и опустошена. Уже в следующем поколении начинают с тревогой говорить «о повреждении нравов в России»[77]. Этот общенациональный процесс нравственной деградации и вызвал у оппозиционных поэтов желание исправить соотечественников.

Подобные процессы происходили в соседних странах. Европейские морализаторы были озабочены падением нравственности, искали и, как им казалось, находили пути духовного возрождения сограждан. В. Кожевников по этому поводу замечал: «В системах этики и в деистических катехизисах XVIII века все положения выводились объективно, теоретически, из предполагаемых общих свойств общего разума. Как скоро казалось, что найдены нравственные или религиозные идеи, будто бы общепонятные для каждого человека, они считались и общеосуществимыми, следовательно, общеобязательными, задача признавалась решенной и литература так называемого «просвещения» обогащалась новой «системою всемирной нравственности» или новым «учебником естественной религии»[78]. Многочисленные учебники XVIII в. по исправлению немцев или датчан подтверждают это соображение ученого.

Большую роль в деле нравственного возрождения россиян должны были сыграть стихотворные послания: эпистолы и письма. Послание — наиболее нравоучительный жанр, приобретающий особую популярность в моменты обострения общественного интереса к этическим проблемам. Сама форма подобных произведений позволяет «излечить» современника в беседе. В русской литературе такая функция посланий оказывается традиционной. Кроме того, связь послания с нравоучением освящена традицией. Кантемир замечал, что из произведений Горация он выбрал «его Письма, для того, что оне больше всех его других сочинений обильны нравоучением»[79].

Если в «Ежемесячных сочинениях» за три года (1755—1757) было напечатано всего 3 нравоучительных эпистолы и одно панегирическое письмо Ломоносова, то в 60-е гг. XVIII столетия поток нравоучительных эпистол говорит о доминировании этого «рода» в русской эпистолярной поэзии. А основная тема такой эпистолы — добродетель.

Родоначальники новой русской эпистолярной поэзии: Кантемир, Сумароков, Тредиаковский пытались теоретически осмыслить феномен добродетели и найти его место в этической системе. В этом плане характерна статья Тредиаковского «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели», помещенная в «Сочинениях и переводах как стихами, так и прозою» (1752). Автор полагал, что перечисленные в названии сочинения качества составляют портрет истинно нравственного человека. Добродетель же, по Тредиаковскому,

«есть навыки воли нашея, по силе коего разумного кто возбуждаемый любовью, должности предписанные в Законе охотно исполняет»[80]. По Тредиаковскому, человек обладает «силою рассудительного размышления», которая, в свою очередь, представлена разумом, призванным познавать истину, и волей, позволяющей человеку свободно выбирать добро. Кантемир в «Письмах о природе и человеке» также связывал добродетель с человеческой волей[81].

В «Некоторых статьях о добродетели» Сумароков, как и Тредиаковский, объяснял добродетель стремлениями человеческого сердца[82]. При этом, подобно своему поэтическому противнику, Сумароков полагал, что добродетельным может быть человек, познавший истину. На таком представлении о добродетели строилась русская нравоучительная эпистола, особенно широко представленная в творчестве поэтов «Полезного увеселения».

М.М.Херасков и другие авторы, публиковавшиеся в московском журнале «Полезное увеселение», видели свою задачу в том, чтобы стихотворениями (в том числе эпистолами и письмами) доказать современникам пользу добродетели и вред порока. Сама эта идея должна аргументироваться поэтом, необходимо привести доводы, способные убедить читателя. Этим объясняется наличие в тексте эпистол риторических вопросов («Быть может скажет мне кто гордостью надменны?» — А.Ржевский «Письмо к А.Н.»(1761. Авг. С. 53)), полемических оборотов («Рассмотрим...», «Потщимся рассмотреть...», «Изрядно...»). Иногда автор выстраивает целые логические схемы: «А, следовательно, желание есть свойство, // Чтоб все нам претворять в сей жизни беспокойства» (Хрущов Н. «Письмо» (1760. Янв. С. 40)). Композиция каждого послания должна быть логично выстроена, все аргументы продуманы и доказательны.

На основании эпистол, помещенных в журнале, можно восстановить этическую концепцию херасковцев. По их мнению, по своей природе человек добродетелен и, по замыслу Творца, рожден для счастья:

Мы волей Вышнего Творца всея вселенной
Для жизни созданы на свете благоденной.

(«Письмо к А.Р.»1761. Янв. С. 3)

Но Бог дал человеку желания, которые возбуждают различные страсти. («Нам страсти врождены желанья возбуждать» («Письмо к А.Н.»1761. Сент. С. 90). Правда, по первоначальному замыслу, все стремления должны направляться к достижению добродетели:

Бог милостию к нам своею бесконечной
Для счастья нашего в сей жизни скоротечной
Различные всем нам желанья даровал

И разум в нас вложил, чтоб ими управлял,
Чтобы желанием была лишь добродетель.

(«Письмо к А.Р.». 1761. Янв. С. 4)

Встав на путь порока, человек нашел иное применение своим желаниям:

Ты ропщешь на судьбу, не ропщешь на свой нрав,
Несытых наперед желаний не уняв.

(Хрущов Н. «Письмо». 1760.
Янв. С. 36)

С правильного пути человека уводит суета. Именно она является его главным врагом:

О море суеты! в тебе род смертный тонет,
Прельщается тобой, и от тебя он стонет...

(М.Херасков «Епистола к Г.Н.»
1760. Авг. С. 64)

В своих посланиях поэты «Полезного увеселения» противопоставляют истину как настоящую ценность ценности обманчивой и ложной:

С младенчества она (суета — *М.А.*) спешит в нас вкорениться.
Вдруг с нами возрастет, вдруг с нами и крепится,
Хоть кажется, ее мы тяжки узы рвем,
Но как ни силимся, всегда мы с ней живем.

(Там же. С. 64)

Иначе говоря, человек нарушает первоначальный замысел Бога.

Итак, суета порождает страсти, которые влекут за собой далекие от первоначального замысла Творца желания, единственным орудием усмирения которых является разум. В одной из эпистол 1761 г. читаем:

Душа и разум нам светилы живота,
Которы кажут, что добро, что суета.

(«Епистола». 1761. Янв. С. 34)

Но сам ум — оружие ненадежное:

И если ум начнет к пути сует клониться,
Душевное начнет светило тем гаситься.

(Там же.)

Значит, к истине человека может привести только «обработанный» разум:

Но чтоб открыть им то, чем Бог нас одарил,
Премудрость он свою чрез разум в нас явил.
Но разум сей снискать не можем без ученья...

(Там же. С. 18)

Люди слабы и презирают добродетель, этим и объясняются их несчастья. Единственно возможный способ обрести истинное блаженство — образовать свой разум, так как если «в невежестве живем, порок наш есть содетель»(«Письмо к А.Н.».1761. Янв. С. 10).

Свои идеи философствующие поэты стремяться не только доказать, но и внушить читателю. Поэтому послание, имитирующее устную беседу, не могло не занять центральное положение в системе жанров «Полезного увеселения». Однако сами эпистолы, помещенные в журнале, разнообразны. Так, в нем преобладают дружеские послания. Например, адресат письма о желаниях Н.Хрущова отошел от добродетели. Автор же стремится во что бы то ни стало исправить своего друга: «Стыдись стремить свой ум за суетой сует» (Хрущов Н. «Письмо». 1760. Янв. С. 37). Описав всю пагубность выбранного адресатом пути, Хрущов резюмирует свои рассуждения:

Но мы, Дамон, сошед с развратных сих дорог,
Так лучше заключим: желанье наше Бог.

(Хрущов Н. «Письмо». 1760. Янв. С. 45)

Если Хрущов вводит в свое послание условное имя адресата, то А. Ржевский и братья А. и С. Нарышкины публикуют свою реальную переписку, лишенную, в отличие от дружеского письма Хрущова, какой бы то ни было сюжетной линии.

Свое желание обратиться к другу авторы аргументируют, во-первых, его добродетельностью («Любезный друг, к тебе столь смело я пишу, // Ты златом не прельщен...»,— читаем в «Письме» С.Н. к Ржевскому (Нарышкин С.»Письмо». 1760. Июнь. С. 234)), во-вторых, желанием наглядно продемонстрировать роль дружбы в жизни добродетельного человека. По их мнению, дружба — обязательная составная часть, а вместе с тем и условие добродетели.

«О дружба ... будь исправителем пороков днесь моих» — пишет А.Нарышкин Ржевскому («Письмо к А.Р.»1761. Янв. С. 5). Дружба становится своеобразным зеркалом, позволяющим человеку исправить себя и направить друга на правильный путь. Самый добронравный человек нуждается в добродетельном друге. В 1761 г. С.Нарышкин пишет А. Ржевскому:

Но что я делаю, пороки осуждаю,
А сам всех более я в оных утопаю.

(«Письмо к А.Р.».1761. Янв. 5)

Друг же способен скорректировать действия ищущего правильный путь автора.

Однако сама дружба может возникнуть только между добродетельными людьми. Так, в статье «О дружестве» сказано, что «сама добродетель и рождает дружество» (1760. Окт. С. 150).

Кроме дружеских посланий, в которых порочным или добродетельным представлен человек, симпатичный автору, в журнале встречаются и «ругательные» послания. Автор таких эпистол видит свою цель не только в том, чтобы обличить порочных современников с точки зрения человека, познавшего истину («Я истинну люблю так как любить должно»- замечает П.Потемкин («Письмо» 1761. Дек. С. 220)), но и спасти их. Так, в одном из «Писем» читаем:

Старайтесь сами вы такими в свете стать...
Завидуя днесь мне, последуйте за мною,
И вместе все пойдем за истинной святою.

(«Письмо». 1761. Февр. С. 68, 69)

Что касается самого адресата, то подчас автор обращается к конкретному человеку, подчас философская доктрина адресуется некоему обобщенному «получателю». Так, в одном из первых посланий 1761 г. читаем: «Когда ты, человек, в отчаянье приходишь», «Подумай, человек, ты сделан ли нещастным?» («Епистола». 1761. Янв. С. 33, 36) Если первый тип послания тяготеет к интимному письму, то второй — к риторической эпистоле («О вы, которые яд зла в себе таите»,— восклицает автор одного из «Писем» 1761 г. (1761. Янв. С. 67). И хотя в журнале не проведена четкая граница между эпистолами и письмами, эта тенденция прослеживается и здесь.

Итак, тематический диапозон представленных в «Полезном увеселении» эпистол весьма широк, однако все эти послания объединяет их дидактическая направленность. Если среди помещенных в журнале од, элегий или эклог можно обнаружить произведения, лишенные нравоучительности, то среди посланий такого рода исключений нет.

Впоследствии авторы нравоучительных эпистол пришли к выводу, что для исправления человечества недостаточно обращенных к адресату стихотворений, в которых формулируется стройная этическая теория. В уже цитированной книге В. Кожевников характеризует концепции теоретиков, стремившихся к полному исправлению современников, следующим образом:»... думая подойти к каждой нации, к каждой исторической эпохе и ко всем разнообразным особенностям возраста, темперамента и других частных обстоятельств, оне в действительности не подходили ни к чему реальному и оказывались фантастическими проектами каждый раз, как сталкива-

лись с непосредственными требованиями самой жизни»[83]. В январском номере (1761) журнала выходит письмо Хераскова, в котором автор заявляет о необходимости корректировки основных положений своей теории. «Думая о предприятии нашем продолжать сочинении, размышляю: могли ли прошлогодние принести какую пользу? Намерение, которое мы имели при издании оных, клонилося к защищению добродетелей, к обличению пороков и увеселению общества. Все сие имело ли свое действо, сумневаюсь»(1761. Янв. С. 14).

Свою неудачу Херасков объяснил тем, что «или сила сочинений развратные сердца слаба поразить была, или вредные страсти так отвердели, что их ничто поколебать не может» (Там же). Так или иначе, задача всеобщего исправления была заменена задачей сохранить добродетель в чистых сердцах.

Однако поток нравоучительных посланий нисколько не ослаб даже после заявления Хераскова. Правда, в соответствии с новыми приоритетными целями каждый читатель призывается заняться собственной нравственностью. При этом уникальность посланий, помещенных в «Полезном увеселении», заключается в их одновременном дидактизме и оппозиционности к режиму Елизаветы. В «Полезном увеселении» практически нет места панегирическим сочинениям, комплиментарные оды и эпистолы игнорируются поэтами журнала. Но правил не бывает без исключений.

«Золотой век» в эпистолярной поэзии «Полезного увеселения»

В мартовском номере «Полезного увеселения» (1761) помещено «Письмо» А. Карина, прославляющее науки. Вне всякого сомнения, это сочинение входит в эпистолярную систему журнала. Стихотворение начинается филиппикой в адрес невеж:

С прискорбием теперь я лиру принимаю,
Против невежества писать что начинаю.
На сильного врага дерзнул мой дух восстать,
Где силы соберу победу одержать?

(Карин А. «Письмо». 1761. Март. С. 105)

Вместе с тем «Письмо» Карина обнаруживает много точек соприкосновения с уже упоминаемым «Письмом к г. В» Ломоносова, помещенным в «Ежемесячных сочинениях».

Конечно, нельзя говорить о полной идентичности обоих текстов: если Карин старается доказать необходимость просвещения логическими доводами, используя при этом приемы, характерные для поэтов «Полезного увеселения» («Природой человек хоть как ни одарен, Но темен ум его, когда он неучен»), то Ломоносов значительно менее рационален. В отличие от Карина, он не строит логи-

ческой конструкции, но создает определенный эмоциональный настрой, по обыкновению, *поет славу* науке.

Какую в нем найдешь веселость и забавы,
Что могут средством быть почтения и славы,
Какие там себе богатства соберешь,
Что и чрез целый век ты их не проживешь...[84]

Несмотря на сходство аргументации, сочинение Карина тяготеет к дискурсивно — логическим рассуждениям, а произведение Ломоносова — к риторическим. Первый делает упор на доказательстве истины, второй — на убеждении читателя в ее истинности.

И все-таки связь этих двух произведений очевидна и на образном, и на идеологическом уровне. В стихотворении Ломоносова читаем:

Почти, приятель, их труды своим читаньем,
И истину внемли с глубоким прилежаньем,
Подобно как пчела сбирает мед с цветов,
Так сладость мудрости сбери из их трудов[85]

Речь идет, естественно, о тех знаниях, которые можно почерпнуть из чужих творений. В свою очередь Карин пишет:

Разумная пчела по всем местам летает,
Из сока худшего мед сладкий составляет,
Что лучшее, в свой рой старается нести,
Так равно человек свой должен век вести.

(Карин А. «Письмо». 1761. Март. С. 111)

Связь этих писем становится очевидной при сопоставлении их идеологической направленности. Как уже отмечалось, стихотворение Ломоносова — панегирик Елизавете. Письмо Карина — единственное стихотворное послание, помещенное в «Полезном увеселении», связанное с комплиментарной поэзией. Карин замечает:

Елизаветою у нас сияет свет,
Отверзите свои напросвещенны очи,
Познайте матерню ее щедроту к нам.

(Там же. С. 108)

Остальные поэты, публиковавшиеся в журнале, по отношению к императрице имели значительно более категоричную позицию. Особенно отчетливо оппозиционность поэтов — херасковцев проявилась в отношении к перспективам наступления в России «золотого века». Сторонники и критики существующего порядка обращались к этой теме для аргументации своей точки зрения.

В своем «Письме к г.В.» Ломоносов пишет:

И облегчись принять приятнейшее бремя,
То требует твой род, то требует и время.
В такие мы живем златые времена[86]

Эта тема является неотъемлемой частью одической поэзии. Поэт, живущий в блаженное время, прославляет тех, кто способствовал установлению в России «золотого века».

Авторы «Полезного увеселения» часто обращаются к указанной теме, однако настоящее положение дел в стране не позволяет назвать ее Аркадией. «Золотой век» возможен либо в прошлом, либо в будущем. В статье И.Соколова «Комедии и трагедии и все драматические сочинения или служат к исправлению нравов человека или больше их развращают», опубликованной в пору надежд и веры в возможность изменения нравов соотечественников, читаем: «Когда рассматриваю наши времена, которые толь многими пороками зараженны, то без сожаления не могу не привести на память древних людей святую простоту и строгую жизнь их» (1760. Март. С. 121). В журнале можно обнаружить две оппозиции: прошлое блаженство — нынешнее развращение нравов и нынешнее повреждение нравов — будущее блаженство.

В одной из «Эпистол» Хераскова читаем, что как только люди узнают «истинну»,

Порок поглотит ад, возникнет добродетель,
И щастье общее в сей век златой умножит.

(Херасков М. «Эпистола».1760. Май. С. 192)

В 1761 г. изменяется общий настрой журнала, и перспективы наступления «золотого века» кажутся более чем сомнительными. В январском «Письме» С. Нарышкину 1761 г. Ржевский напоминает о необходимости идентифицировать свою пользу с общей, повторяет мысль, что невежество питает порок — одним словом, вновь обращается к неоднократно изложенным этическим принципам журнала. Однако об общенациональном исправлении автор уже не помышляет («Но льзя ль, Нарышкин, сих упрямцев научить?» «Письмо к А.Н.» 1761. Янв. С. 10) В «Письме» Ржевскому А. Нарышкин предлагает переключиться с общества на самого себя:

И исправляючи так каждый бы себя,
Исправили бы свет, все зло изпотребя.

(«Письмо к А.Р.»1761. Янв. С. 3)

Правда, такой путь не сулит успеха, и заявление автора — не что иное как ностальгическое воспоминание о недавних надеждах. Поэт признается, что

...не дождаться нам тех дней благополучных,
Не придет век златой, тот век минут бескучных,

В которой истинна б на трон сердец взошла,
Где б всякая душа спокойствие нашла...

(Там же. С. 4)

Говоря о вреде богатства, Нарышкин сравнивает истинное и ложное блаженство:

Чрез что же нам искать сие блаженство должно,
Лишь добродетелью его достигнуть можно.

(«Письмо» 1760. Июнь. С. 235)

Выбор человеком истинной ценности дает ему понимание всей смехотворности стремления к богатству. В 1761 г. Ржевский говорит, что правильный выбор можно было сделать лишь в прошлом. «Золотой век» прошел безвозвратно, и людям нужно оставить надежды на его возвращение:

А ест ли б ныне был век первый, век златой,
Так нужды б не было нам в злате никакой.
Но был он или нет сперьва, того не знаю,
А что не будет впредь, о том я уверяю.

(«Письмо к А.Н.»1761. Сент. С. 86)

Таким образом, в 1761 г.остается лишь одна оппозиция: прошлое блаженство — настоящее и будущее развращение.

Правда, иногда поэты «Полезного увеселения» вновь рассуждают о грядущем счастье, но при этом замечают, что полноценная Аркадия все-таки невозможна:

Что будет век златой, как люди просветятся,
Но страсти никогда во век не истребятся...
Один наукою блаженство познает,
Другой чрез ту страстям лишь силы придает.

(«Письмо к А.Н.»1761. Сент. С. 86)

Особенно отчетливо социально — этический пессимизм поэтов-херасковцев проявляется в 1762 г. Если Ржевский ставит под сомнение само существование «золотого века», то Херасков в своей переводной «Идиллии» откровенно иронизирует над легендой об Аркадии и над наивностью человечества, уверовавшего в пустую мечту:

Сладкое вспоминованье,
О тебе нам грусть дает
Как лица изображенье,
Коего уж в свете нет.

Не мечту ли я вещаю?
Точно ли бывал сей век?

Но свидетелей не знаю,
Кто бы мне его нарек.

(Херасков М. «Идиллия»1762. Янв. С. 12, 16)

Себя Херасков включает в число некогда веривших в существование Аркадии. В «Эпистоле» 1760 г. свои надежды на будущее блаженство он основывает на опыте человечества, уже знакомого со счастливыми временами. В «Эпистоле» древнее благополучие не упоминается, но будущий «золотой век» моделируется по примеру прошлого. Идея эта была настолько ясной, что специально не оговаривалась.

С 1761 г. Херасков сомневается в существовании древней Аркадии из-за принципиальной невозможности людей приобрести счастье:

Все те повести напрасны,
К предкам зависть вся тщетна,
Люди завсегда нещастны
И всегда их жизнь бедна...

(Там же. С. 16)

Образец, проповедуемый в опубликованных в 1760 г. идиллиях (само название стихотворения Хераскова 1762 г. иронично), нивелируется. Если в 1760 г. елизаветинскому времени противопоставляется идеальное прошлое, когда жили добродетельные люди, и идеальное будущее, когда российская порочность середины XVIII в. будет восприниматься как сон, то в идиллии Хераскова 1762 г. рассуждения из плана будущего («поглотит», «возникнет», «поищем», «зажжем») и прошлого («был», «бывал»), как это было в его «Эпистоле» 1760 г., переносятся в план вечности («Люди завсегда нещастны // И всегда их жизнь бедна»).

Метаморфоза, которую претерпело русское нравоучительное послание, схожа с капитуляцией. Тщетность попыток научить и исправить читателей приводит к доминированию в эпистолярной поэзии этого журнала темы смерти и тленности. В том же 1761 г. Ржевский пишет А. Нарышкину:

Мой друг! Здесь тщетно все и нечем здесь прельститься,
Нам нужно умереть, коль надобно родиться,
Коль погубили мы дар Бога своего,
Так нет на свете здесь блаженства без него...

(«Письмо к А.Н.» 1761. Янв. С. 9)

Теперь проповедь добродетели звучит на этом зловещем фоне. Тот же Ржевский обращает внимание А. Нарышкина, что

Мы созданы на свет для жизни здесь не вечной,
Но часто жизнию скучаем скоротечной...

(«Письмо к А.Н.» 1761. Сент. С. 81)

И.Богданович же земную жизнь воспринимает как средство достижения истинной жизни. Если до 1761 г. поэты «Полезного увеселения» стремились обустроить свое земное существование, найти пути достижения счастья на земле, то у Богдановича читаем:

В сем свете для того нам жить повелено,
Жилище для того земное нам дано,
Чтоб слабый дух дни проводя младенства
Готовился к другой здесь жизни совершенства.

(Богданович И.»Письмо о бессмертии души». 1761. Окт. С. 138)

Таким образом, становится понятна заложенная в «Идиллии» Хераскова мысль: несчастья людей на земле закономерны и телеологичны, а не происходят из-за отклонения людей от изначального плана.

Хотя в 1761–1762 гг. эпистолы «Полезного увеселения» продолжают поучать сограждан («На скучном ты пути в веселых мыслях будь» (Херасков М. «Епистола». 1762. Янв. С. 34)), хотя Херасков в «Письме к самому себе» и говорит о возможности найти покой на земле, а в «Епистоле» 1762 г. замечает, что человеческие беды случайны («Когда ты поражен каким нещастным роком, Не мни, что погружен ты в море бед широком» (1762. Янв. С. 33)), послания изменяют свою направленность. Идея необходимости воспитания себя для будущей жизни уверенно входит в творчество этих поэтов.

Однако изменения, произошедшие в творчестве поэтов «Полезного увеселения», не отменили приоритета добродетели. Борьба нравственности и порока по-прежнему актуальна для эпистолярного творчества авторов. Так, в своем «ругательном» «Письме» П.Потемкин замечает, что

Вы мыслите мне зло, но Вышний всех Содетель
Защитник будет мне, коль чту я добродетель.

(1761. Дек. С. 220)

По мнению философствующих поэтов, счастье на земле недостижимо, жизнь — «тренировка» для души, устремленной в вечность. Однако, признаваясь в своей декларации 1761 г. в неосуществимости замысла всеобщего исправления, Херасков объявляет новый подход к проблеме. В соответствии с этой концепцией добродетельные люди должны скрываться от агрессивного порочного мира, подобно тому как люди укрываются от непогоды. Если на земле добродетель не ценится, то на ТОМ свете она оценится непременно.

Таким образом, спор в рамках одной программы между Ржевским, считающим, что Бог отвернулся от людей, погрязших в по-

роке, и Потемкиным, доказывающим, что Бог защитит добродетельных людей, на поверку оказывается не спором, а попыткой объяснить свою неудачу, спасти теорию от разрушающей ее практики. Примирению сторон журнал обязан «Письму о бессмертии души» И.Богдановича. Поэты не отказываются от своих первоначальных представлений, а лишь корректируют их.

Итак, на смену «тихого», «интимного» письма Кантемира, на смену панегирического письма Ломоносова приходят «громкие» нравоучительные эпистолы и письма «Полезного увеселения», ориентированные на дидактические эпистолы Сумарокова.

Как уже указывалось, среди поэтов «Полезного увеселения» не практиковалось строгое разделение на эпистолы и письма, хотя среди эпистол и писем можно выявить тенденцию, соответствующую описанной нами закономерности. Как правило сочинения, тяготеющие к интимной переписке (например, стихотворения А.Нарышкина и Ржевского, обращение к себе Хераскова, разговор с Дамоном Хрущова и т.п.) называются письмами. Тексты, адресованные широкой аудитории, наполненные риторическими фигурами (например, подавляющее большинство посланий Хераскова), обычно называются эпистолами. Правда, это правило не выдерживается столь же строго, как в творчестве отдельных поэтов первого ряда.

В русских журналах, кроме рассмотренной оппозиции «тихое» письмо — «громкая» эпистола присутствует и другая оппозиция: послание комплиментарное — послание оппозиционное. Если в «Полезном увеселении» преобладали послания оппозиционные, то подчас панегирическое и нравоучительное сочинения могут сосуществовать в одном журнале.

Так, уже неоднократно цитировавшееся «Письмо к г. В.» сочетает в себе комплименты императрице и поучения непосредственному адресату. В то же время в «Ежемесячных сочинениях» встречаются нравоучительные послания в чистом виде. Такого рода тексты тесно связаны с сатирой. Неслучайно в журнале так часто упоминаются приказные, любимый объект насмешек Сумарокова.

Вместе с тем еще до «Полезного увеселения» в «Ежемесячных сочинениях» появляются стихотворные послания, нацеленные на нравственное перевоспитание человека. Так, в помещенной в сентябрьском номере «Епистолы» 1755 г. читаем:

В начале будешь ты не подл, но благороден,
Второе, ты врагов иметь не будешь ввек,
А третье, кончишь жизнь как честный человек[87]

Итак, значительная часть всех стихотворных посланий, созданных в конце 40 — начале 60-х гг. XVIII в. относится к разряду нравоучительных. Особенно четко это демонстрирует эпистолярный материал журналов, представляющих не единичные опыты, а достаточно большое количество посланий. В таких стихотворениях автор,

наделенный высшим знанием, постигнувший «истинну», может поучать или делиться своими соображениями по этическим проблемам. В 1762 г. изменяется ситуация в стране, а с ней — в эпистолярной поэзии.

Русская панегирическая эпистола екатерининской эпохи

Обещание Хераскова издавать «Полезное увеселение» во второй половине 1762 г. оказалось невыполненным. Однако русская читающая публика получила журнал «Свободные часы». Новый московский орган составлялся из сочинений авторов «Полезного увеселения», всеми доступными средствами продолжавших бороться с пороком. И вновь большая роль в этой борьбе отводилась эпистолярной поэзии, оригинальной и переводной. Любопытным примером такого рода является «Эпистола к большому алмазу» М. М. Хераскова. Сам автор оговаривается, что его стихотворение — «подражание французскому», но при этом не указывает имя французского поэта.

Нам удалось обнаружить подлинник этого стихотворения. Он входит в вышедший в 1753 г. в Амстердаме трехтомник «Разные эпистолы на различные сюжеты» (Epîtres diverses sur des sujets differens») Г.—Л. Баара. В оригинале стихотворение имеет название «Epître au Grand Diamant». Переложение Хераскова направлено против роскоши как ложной ценности, не идущей ни в какое сравнение с ценностью истинной — умом и добродетелью:

Хотя б на головах алмазы не горели,
Но умных бы людей побольше мы узрели[88]

Для русского поэта драгоценный камень олицетворяет собой жалкую роскошь, всесилие которой стало возможно лишь благодаря нравственному несовершенству человека:

Блистающа звезда и солнца луч златой,
Для твердых глаз моих ты камень лишь простой,
Который случаем произвела природа,
И дорог кажешься для глупого народа[89]

Становясь частью русской нравоучительной эпистолярной поэзии, эпистола к алмазу теряет свою связь с оригиналом. Достаточно сказать, что Баар пишет свою эпистолу по вполне конкретному поводу. В предисловии к стихотворению голландский поэт замечает: «Эта эпистола направлена против неистовой страсти кичиться драгоценностями. Говорят, что мистер Питт, англичанин, привез этот великолепный алмаз в Европу и нашел способ продать его Французской короне. Гийом де Питиваль уверен, что этот алмаз стоил герцогу Орлеанскому, названному Pic (Дятел — *М.Л.*) 2100000 ливров»[90].

При этом рассказанная поэтом сплетня позволяет ему придти к философскому заключению, что «ничего не доставляет человеку большего удовольствия, как попытка отыскать то, что люди искали даже под другим солнцем с риском для жизни»[91].

Хераскову же эта информация совершенно не нужна. Игнорируя конкретные исторические факты, русский поэт сразу пытается выйти на уровень широких обобщений. Ему необходимо «обезличить» свою эпистолу, ввести ее в область чистой теории.

Вместе с тем идеологическое направление этого издания подверглось принципиальному пересмотру. Бывшие противники режима стали союзниками правительства. Конечно, авторы не прекращают бороться за добродетель, но если до екатерининского переворота послания ополчались против порока как порождения режима, то теперь, когда императрица клянется обратиться к общей пользе, пороки становятся наследием прошлого.

Так, помещенная в «Свободных часах» «Цыдулка ко клеветникам» А.Ржевского замечательна тем, что изображенные в ней клеветники — люди, *привыкшие* клеветать:

О вы, которые обыкли клеветать,
И выдумки на всех неправые сплетать,
Скажите, что вас, что на злобу побуждает.

(1763. Сент. С. 534)

В традиционных нравоучительных посланиях страстное обличение подчас превращается в дружескую рекомендацию. Например, в направленном против жадности послании «Когда с Помоною здесь Бахус обитает» представлено множество примеров алчных глупцов; однако сам вывод Хераскова о вреде роскоши не связан с оппозиционостью к существующему строю:

Три вещи нужны нам к довольствию природы:
Одету, сыту быть, закрыту от погоды,
Но роскошь, нам вложа в сердца свой вредный яд,
Произвела от трех вещей развратных чад.

(Там же. 1763. Май. С. 309)

Как и в рассмотренных эпистолах Хераскова против богатства, в этом стихотворении изложение материала подчиняется жесткой логике. Однако соседство нравоучительных посланий с панегирическими произведениями того же Хераскова показывает, что социальный пессимизм автора последних лет царствования Елизаветы сменился порой надежд.

В «Свободных часах» продолжается стихотворная переписка Нарышкиных и Ржевского. И вновь мы сталкиваемся со старой, сформированной в «Полезном увеселении» традицией морализаторской переписки. Правда, новые условия внесли определенные кор-

рективы в содержание стихотворных писем. Теперь в стране созданы благоприятные условия для воспитания граждан. Сами перспективы этого воспитания не рассматриваются, но в наступлении счастливого времени сомнений быть не должно. Теперь поэты призывают к гибкости по отношению к людям:

Спокойства в обществе никак нельзя сыскать,
Когда единому другим не уступать,
Когда бы мы другим ни в чем не покорялись,
Друг друга бы тесня, здесь все бы утеснялись.

(Ржевский А. «Письмо к А.В.Н.» 1763.
Февр. С. 102)

Замечательно, что в рационалистическую концепцию херасковцев вошло новое понятие, привнесенное временем — случай. Именно с ним предлагает соразмерять свои желания Ржевский:

Желанья мы должны с случаем соглашать,
Затем, что может он нам все повелевать.
А он подвержен сам премене ежечасно,
Так быть должно тому желанию согласно.

(Там же. С. 100)

Постепенно идея зависимости человеческой судьбы от случая превращается в признание его абсолютного господства.

В русской поэзии этот культ формировался как реакция на те перестановки, которые произошли после 28 июня 1762 г. в верхних эшелонах российской власти:

И самым тем что Бог живущих всех равняет,
Все в свете что ни есть случай пременяет...

(Там же. С. 103)

Если бы не случай, человек потерял бы надежду и впал в отчаянние:

Превыше б смертных мер счастливый возносился,
Несчастный бы роптал весь век свой и крушился.

(Там же. С. 102)

Изменения, которым подверглось русское нравоучительное послание, знаменовали собой принципиальную перестройку эпистолярной поэтической системы. Новая эпоха потребовала восторженную панегирическую эпистолу. Авторами таких эпистол стали поэты, специализировавшиеся в свое время на морализаторских посланиях. Неслучайно в «Свободных часах» два нравоучительных письма Хераскова соседствуют с двумя комплиментарными эпистолами. Таким образом, существовавшая при Елизавете оппозиция:

послание панегирическое — послание нравоучительное в екатерининскую эпоху снимается.

Во время правления Елизаветы императрица не удостоилась ни одной торжественной эпистолы. Восшествие на престол Екатерины II сразу же было отмечено панегирическими посланиями. В 1762 г. отдельным изданием вышли эпистолы С.Нарышкина и М. Хераскова. Впоследствии отдельно выходили послания М.Хераскова (1763), И.Владыкина (1767), В.Петрова (1767), С.Нарышкина (1767), А.Перепечина (1771), Н.Струйского (1789). Количество панегирических эпистол Екатерине, помещенных в журналах, также было весьма велико.

Херасков, ранее формировавший тип нравоучительного послания, в новую эпоху так же активно принялся за послание комплиментарное. Отдельным изданием и в журналах за период с конца ноября 1762 г. по сентябрь 1763 г. вышло две его панегирические эпистолы Екатерине («Епистола Императрице Екатерине II в день ея тезоименитства» и «Епистола на день Высокоторжественного Коронования Ея Императорского Величества») и одна эпистола Павлу Петровичу («Епистола на день рождения Его Императорского Высочества ...»).

В этих текстах повторяются некоторые идеи и образы. Например, в «Епистоле на тезоименитство» 1762 г. про императрицу сказано:

> Когда спасала нас и узы развязала,
> Любовь к тебе свою Россия доказала.
> Неумолкающий везде носился глас:
> «К нам Ангела послал монархом Бог для нас»[92]

В «Епистоле» 1763 г.:

> Испорчены сердца Господь в народах зря,
> Тирана им пошлет и страх, а не Царя.
> Но ежели народ возлюбит добродетель:
> Подобный Ангелу пошлется им владетель.
> Такой МОНАРХ странам Российским дан теперь[93]

Соответствуя современным требованиям, поэт прославляет Елизавету («Елизавету нам в себе являешь ты»[94]), но пропускает все, что связано с именем Петра III. В число заслуг Елизаветы входит создание российского Парнаса, но не исправление нравов россиян. Эту функцию выполняет Екатерина. Именно поэтому в «Епистоле» 1762 г. читаем:

> При новых радостях воспоминаем мы,
> Как Ты нас извела на свет из страшной тьмы[95]

То же самое находим и в «Епистоле» 1763 г.:

О Мати Россиян, коль дорог нам сей час,
Когда восшествием на Трон спасла ТЫ нас[96]

Итак, Россия погибала, и спасти ее могла лишь удачная смена монархов. Эта идея заимствована Херасковым из Манифеста Екатерины, опубликованного сразу же после переворота 28 июня 1762 г.[97].

Россия приближается к «золотому веку», от ожидания которого поэты «Полезного увеселения» отказались. Вместе с тем представление о перспективах нравственного перерождения людей у Хераскова значительно изменилось. В «Епистоле» 1763 г. поэт ни словом не обмолвился о *всеобщем исправлении*. В блаженном сне поэт слышит голос, вещающий, что

Прославится теперь Российская страна,
И будет щастливу иметь она судьбину,
Что ею Бог послал владеть Екатерину.
Не будет горьких слез отныне слышно там,
Бесзильным дастся суд, отрада сиротам.
Гонимыя найдут на утесненье право.
Исчезнет клевета и сердце там лукаво,
Обман разгонится как бурным вихрем прах,
Коварныя сердца запечатлеет страх...
Покажет к щастью путь честным ея рука[98]

Теперь, когда старая мечта оказалось иллюзией, Херасков вынужден дифференцировать сердца людей на «коварные» и «честные». «Исцелить» первые не представляется возможным, а вторые и не нуждаются в исправлении. Роль императрицы как хранительницы нравственности состоит в том, чтобы парализовать страхом порочных и направить добродетельных. Иначе говоря, создастся режим «наибольшего благоприятствования» для чтущих добродетель. А именно этого, по мнению Хераскова, не хватало предыдущему режиму.

При этом причины, вызвавшие появление в России столь добродетельной императрицы, на первый взгляд кажутся достаточно противоречивыми. Из эпистолы 1762 г. ясно, что Бог послал Екатерину для спасения россиян, опутанных некими «узами». Эпистола 1763 г. говорит, что испорченным сердцам посылается тиран, наводящий ужас на подданных. Хорошего царя необходимо заслужить добронравием. Итак, и Екатерина, и некий тиран внушают страх. При этом Екатерина олицетворяет добро, а тиран — зло. Если бы россияне погрязли в пороке, они должны были получить тирана. Обрели же они Екатерину — и на страну «сошла божья благодать». Вероятно, Херасков, в свое время заявивший, что пороки слишком глубоко вкоренились в сердца россиян, предполагает, что Творец не увидел в соотечественниках поэта «испорченны сердца»,

усмотрел в них волю к добродетели. Россияне заслужили свою императрицу.

В эпистоле 1763 г. неизвестный голос вещает о будущем блаженстве России, и тут же это пророчество начинает сбываться:

> А мы погружены в приятном том виденье,
> Пророческих речей днесь видим исполненье...[99]

В правление Екатерины Херасков вновь обретает веру в принципиальную возможность наступления в России «золотого века». Правда, в саму эту идею были внесены некоторые коррективы: оказывается, нравы исправляет не слово, апеллирующее к разуму порочного человека, но пример императрицы, восстановившей справедливость в своем государстве:

> Теперь златые дни в отечестве текут!
> Когда за истинной последует Владетель,
> Растет и в подданных прямая добродетель...
> Ведущих честну жизнь никто не потревожит,
> И Твой пример в сердцах врожденны искры множит.
> Взносясь, Россию всю очами обозрю
> И всех Твоих людей сердца я отворю[100]

Итак, по первоначальному замыслу, человек стремится к добродетели («врожденны искры»), и теперь для этого созданы все условия:

> Всяк щастлив в наши дни, лишь только честен будь.
> МОНАРХИНЯ во всех любовь к добру сугубит,
> Кто любит истинну, Она того и любит.
> Избавясь хищников, обид и грабежа,
> Покойтесь, на Нее надежду возложа[101]

Но «Епистола на день тезоименитства» была написана в ноябре 1762 г., всего лишь через 5 месяцев после воцарения Екатерины. За столь короткий срок в стране едва ли могли произойти столь существенные изменения. Однако в число заслуг новой императрицы входило не просто переустройство страны, но *быстрое* ее переустройство.

Замечательно, что по своему содержанию обе эпистолы Хераскова напоминают помещенный в «Санктпетербургских ведомостях» рассказ о начале царствования Екатерины. Из статьи мы узнаем, что ряд принятых новым правительством законов экономического характера свидетельствует об активности и добродетельности императрицы. Автор замечает, что «мы уже действительно в кратком времени увидели, чего нас сия самодержица избавила, и чем любезное свое Отечество награждает за наше к ней усердие»[102].

Российский обыватель всячески выказывает свое удовольствие пропагандируемыми методами исправления ситуации в стране, при этом похвала императрице подчас принимает форму «общего гласа»,

который становится комплиментарным приемом. В том же прибавлении читаем: «...сколь сердце *наше* обрадовано, что исправление пороков милостивым прежде увещанием, нежели строгим угрожением начать благоволила»[103] (курсив мой — *М.Л.*).

Таким образом, эпистолярный материал поэтов круга М.М.Хераскова демонстрирует превращение нравоучительно- оппозиционной эпистолы в эпистолу нравоучительно — панегирическую. Процесс этот основан не на механической смене одного «рода» эпистолы другим, а на *перерождении* нравоучительной эпистолы.

Действительно, в 30—60-х гг. XVIII в. в русской эпистолярной поэзии господствует морализаторское послание, призванное исправить общество (нравоучительно — оппозиционая эпистола), или прославить Екатерину как поборницу добродетели (нравоучительно — панегирическая эпистола). В дальнейшем характер нравоучительно-панегирического послания изменяется. В творчестве некоторых поэтов на смену восторженных ожиданий приходит разочарование. При этом изменения в содержании не затрагивают самой структуры эпистолы. Например, сохраняя постоянные, связанные с определенным именем рифмы, автор изменяет смысловую направленность такого рода рифм.

Антропонимические рифмы в русской нравоучительно-панегирической эпистолярной поэзии 60-х годов XVIII в.

Если в нравоучительно — оппозиционном послании начала 60-х гг. XVIII в. имя императрицы практически не называлось, то в эпистоле нравоучительно — панегирической Екатерина упоминалась постоянно. За ее именем закрепляется определенная рифма: «Екатерина — крина». А.А.Илюшин указывает, что в русской поэзии XVIII в. фамилия заслуженного человека может создавать такого рода мифологему[104]. Правда, обычно рифмы удостаивались русские поэты, и сама она связывалась с *литературной* репутацией автора («Ломоносов-слава россов», «сатира-Кантемира», «Сумароков — враг пороков»). Постоянная рифма — мифологема «Екатерина — крина» связывается с государственной деятельностью императрицы.

При этом об изменениях в отношении подданных к Екатерине можно заключить по контексту. В своем стихотворном «К княгине Дашковой. Письме на случай открытия Академии Российской» Я.Б.Княжнин замечает:

> Я ведаю, что дерзки оды,
> Которы вышли уж из моды,
> Весьма способны докучать.
> Они всегда Екатерину,

За рифмой без ума гонясь,
Уподобляли райску крину...[105]

По всей видимости, в 80-е гг. XVIII в. эта рифма осознавалась как неотъемлемая часть панегирической поэзии, была типичной для оды. «Отменяя» эту мифологему, Княжнин ее же и использует, но использует в последний раз. До «Письма» Княжнина указанная мифологема употреблялась не только в комплиментарных одах, но и в панегирических эпистолах и стихотворных письмах.

Так, в двух уже цитированных «Епистолах» Хераскова 1762 и 1763 гг. читаем:

1762 г.

Для злобных носит меч Монарх в своих руках,
Для добродетельных ветвь краше райска крина.
Царей, философов, пример Екатерина[106]

1763 г.

По сердцу твоему подобно райску крину
Цветущу видим мы в венце Екатерину[107]

В «Письме» А.П.Сумарокова князю М.Голицину эта рифма встречается дважды. Особенности ее использования объясняются тем обстоятельством, что в 1769 г. Сумароков значительно менее лоялен по отношению к существующему режиму, чем Херасков в 1762 г.[108]. В «Письме» Сумароков пишет:

Развей невежество как прах бурливый ветр.
Того на сей земле цветуча паче крина,
Желает мудрая твоя Екатерина[109]

Кажется, что Сумароков повторяет здесь Хераскова. Но пожелание развеять невежество звучит в 1769 г., т.е. по прошествии 7 лет после воцарения Екатерины. Несмотря на то, что начало царствования этой императрицы сулило быстрое процветание страны, иллюзии вновь остались иллюзиями. За этикетными комплиментами Сумарокова скрывается разочарование:

Репейник там растет, где было место крина,
О Боже, если бы была Екатерина
Всевидица...[110]

Однако изменение функции рифмы Сумароковым выражало мнение одного поэта и таким образом противопоставлялось целому корпусу панегирических эпистол.

Итак, в 30 — 60-е гг. XVIII в. русская эпистолярная поэзия состояла из таких жанровых подразделений, как эпистола и письмо. Оба эти поджанра характеризуются своеобразным набором признаков, позволяющих им «господствовать» в той или иной области

эпистолярного общения. При этом русская эпистолярная поэзия интересующей нас эпохи эволюционировала, на смену нравоучительно-оппозиционной эпистоле и письму «Полезного увеселения» приходят нравоучительно — панегирические эпистолярные стихотворения. Во второй половине столетия русская поэтическая система включает в себя еще одно жанровое наименование — послание.

Термин «послание» является эквивалентом французского «épître», однако русская эпистолярная поэзия уже знала *эпистолу* как один из своих поджанров. Может показаться, что во второй половине XVIII в. из трех поджанров послания два (эпистола и послание) являются синонимами.

В русской поэзии собственно послание широко представлено лишь начиная с 80-х гг. XVIII столетия. Однако впервые стихотворение было определено автором как «послание» уже в 60-е гг. XVIII в. Речь идет о «Послании к слугам» Д.И.Фонвизина.

Жанровое своеобразие «Послания к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д.И.Фонвизина

Известно, что Д.И.Фонвизин, даже отказавшись от кощунственного содержания своего послания, продолжал высоко оценивать стиль и «остроту» этого знаменитого стихотворения. Читающая публика с восторгом приняла сочинение великого русского сатирика. В середине XIX в. в России еще встречались старики, знавшие наизусть это объемное произведение[111], а Н.Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» (1821) относил послание Фонвизина к числу образцовых сатирических эпистол[112]. Для современников и потомков «Послание к слугам» было не просто гениальным стихотворением, но и образцовым памятником эпистолярной поэзии.

Последнее утверждение кажется парадоксальным. Ведь при анализе этого стихотворения возникают сомнения не только в *идеальности* «Послания к слугам» как эпистолы, но и относительно самой его принадлежности к эпистолярной поэзии.

Как уже отмечалось, устойчивым определением эпистолы в XVIII в. было «разговор отсутствующаго с отсутствующим на писме, каков бывает у присутствующих между собой на словах»[113]. В фонвизинском стихотворении адресатов нельзя отнести к отсутствующим, а значит и вопрос свой автор задает устно. Нарушая главный эпистолярный признак, Фонвизин создает не образцовую, а «перелицованную» эпистолу. Несмотря на несоответствие этого стихотворения канону, жанровая специфика «Послания к слугам» заинтересовала ученых лишь в последнее время.

Н.Д.Кочеткова замечает, что по своему содержанию это послание сближается со стихотворной сатирой, а «по стилю ближе к

низкому жанру комедии, чем к среднему жанру стихотворного послания или стихотворной сатиры»[114].

Таким образом, стихотворение Фонвизина претендует на принадлежность к одному из трех жанров. Действительно, в этом произведении налицо признаки сатиры («язвительность» тона), комедии (сценичность разговора со слугами) и эпистолы (название стихотворения). Однако, как показывает история русского послания, подчас очень трудно провести четкую границу между эпистолой и сатирой или эпистолой и элегией; но сближение эпистолы с комедией противоречит ее жанровой специфике.

Следом за Н. Остолоповым Н. Кочеткова полагает, что это стихотворение принадлежит к эпистолярной поэзии. Однако, по мнению исследовательницы, «Послание к слугам» не продолжает, а пародирует традицию: «Если по традиции послание адресовывалось человеку известному или почитаемому, то Фонвизин как бы пародирует эту традицию»[115]. Вместе с тем автор стихотворения не заменяет «высоких» адресатов «сниженными»: трансформируя жанровый канон, он выводит стихотворение за рамки поэтического эпистолярия.

Кроме того, создавая свое «Послание к слугам», Фонвизин ориентируется не на русские панегирические эпистолы, а на «Эпистолу к моему садовнику» Н. Буало (доказательством этому служит не только сходство адресатов французского и русского текстов, но и отсутствие в стихотворении Фонвизина используемых в русской комплиментарной поэзии штампов). Садовник же не может быть представлен как лицо известное. Таким образом, применительно к «Посланию к слугам» едва ли можно говорить о пародии на высокую эпистолу. При этом на протяжении более 200 лет это «неэпистолярное» стихотворение рассматривалось как эпистола.

Близость произведений Буало и Фонвизина позволяет предположить, что сама «эпистолярность» «Послания к слугам» определена его ориентацией на французские источники.

Известно, что по своему содержанию «Послание к слугам» перекликается с «Поэмой на разрушение Лиссабона» Вольтера. Однако *проповедь* автора поэмы Фонвизин подменяет *разговором* со слугами, подражая в этом, как было сказано выше, Буало[116]. Заимствуя у французского классика саму идею эпистолярного обращения к слуге, Фонвизин отталкивается от вполне «эпистолярного» французского стихотворения. Совпадение жанровых наименований французского и русского текстов подтверждает выбор Фонвизиным источника для своего стихотворения.

Вместе с тем русский автор отказывается от точного воспроизведения формы «Эпистолы к моему садовнику». Изменяя композицию эпистолы Буало, строя стихотворение как ряд ответов на вопрос барина и тем самым выводя текст за рамки эпистолярной поэзии, Фонвизин все-таки сохраняет за своим сочинением жанро-

вое обозначение эпистолы французского классика. Итак, жанровое название стихотворения Фонвизина оказывается рудиментарным явлением, отсылает к тексту «Эпистолы к моему садовнику» Н.Буало.

Однако среди русских эпистолярных стихотворений «Послание к слугам» выделяется не только за счет формальных жанровых нарушений, но и самим жанровым наименованием.

«Послание к слугам» является не-эпистолой не только из-за нарушения важнейшего эпистолярного принципа, но и потому, что терминологически с русской *эпистолой* была связана определенная традиция. Называя свое стихотворение *посланием* (то есть не эпистолой), Фонвизин исключает его из числа традиционных для русской поэзии середины XVIII в. произведений. Конечно, послание входит в число жанров эпистолярной поэзии, но при этом не является синонимом эпистолы и стихотворного письма.

Выявление различий между эпистолами и посланиями может показаться неоправданным, тем более, что в «Опыте российского сословника» Фонвизин отмечает: «Стихотворные сочинения под именем эпистол недавно начали называть посланиями»[117]. Однако «Опыт» был опубликован в 1783 г., через 20 лет после создания интересующего нас стихотворения. За годы, разделяющие «Послание к слугам» и «Опыт», в русской эпистолярной поэзии произошли существенные изменения.

Если в 80-е гг. XVIII в. в русской поэзии сосуществовали эпистолы, письма и послания, то в 60-е гг., к моменту написания «Послания к слугам», сам термин «послание» был неприложим к поэзии. В середине столетия не появилось ни одного стихотворения, получившего такое жанровое наименование. В свою очередь сам Фонвизин придавал названию своего стихотворения особое значение. С самой первой анонимной публикации вместе с переводом романа д'Арно «Сидней и Силли»(1769) это произведение называлось только «*Посланием*».

Выходя за рамки эпистол, сочинение Фонвизина все-таки включалось в определенную традицию — традицию посланий. Подобно тому, как за словом «эпистола» тянулся длинный шлейф ассоциаций, так же ассоциативно наполненным было и жанровое наименование: «послание».

В русской письменности этот жанр воспринимался не только как литературный, но и как богословский. «Послание» в русском сознании ассоциировалось с творчеством апостолов, точнее, с апостолом Павлом. На основании древнерусского литературного материала Словарь русского языка XI-XVII вв. дает следующие определения письма и послания. Письмо — это «письменный текст различного характера и назначения», в то время как послание — «особый жанр (богословской) литературы, произведение в форме письма: «Понеже книгы пыташе, паче и святого Паула послание» (Про-

лог). Замечательно при этом, что сам перевод греческого «ἀπόστολή», связанного со словом «апостол», звучит как «посылание», «отправление»[118].

В XVIII в. картина осталась прежней. В «Новом и кратком способе» В.К.Тредиаковский писал: «Сей род Поэзии назвал я ЭПИСТОЛОЙ, а не ПОСЛАНИЕМ, ПИСАНИЕМ и ПИСЬМОМ, для того, чтоб различить Пиитическое Письмо от ПОСЛАНИЙ СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА и от простых Писем»[119].

Сам Фонвизин в уже цитированном «Опыте российского сословника» о посланиях пишет следующее: «*Письма* древних называются *посланиями*. Волтеровы *письма* наполнены остротою ... *послания* святого Павла богудухновенны»[120]. Замечательно, что примером такого рода «писем древних» для Фонвизина являются именно послания апостола. Традиция связывать послание с апостолом Павлом не пресеклась и в XIX в. М.Ю.Лермонтов пишет:

Примите дивное *посланье*
Из края дальнего сего.
Оно не Павлово писанье,
Но Павел вам вручит его (курсив М.Ю.Лермонтова)[121]

Здесь одноименность посыльного и апостола — неслучайна.

По всей видимости, сатирическое стихотворение Фонвизина ориентировано на эпистолярное творчество, но не на эпистолы или стихотворные письма, а на послания апостола Павла. А значит стихотворение Фонвизина не имеет ничего общего с русской эпистолярной поэзией и автор, не понимавший, почему в 80-е гг. эпистолы сменили послания, ассоциировавшиеся у великого сатирика в первую очередь с произведениями апостола, ни в коем случае не является родоначальником этого поджанра в русской поэзии второй половины XVIII — первой четверти XIX в.

Вместе с тем в жанровом отношении стихотворение Фонвизина явилось предтечей многочисленных посланий. Обратимся к новой эпистолярной поэтической системе, сложившейся во второй половине XVIII в. и включающей в свой состав, кроме эпистол и стихотворных писем, послания.

Эпистолярная система в русской поэзии конца XVIII века

Стихотворные послания среди русских эпистол и стихотворных писем

Эпистолы, стихотворные письма и послания в России конца XVIII в.

Анализируя памятники русской эпистолярной поэзии 30–70-х гг. XVIII в., мы рассматривали эпистолу и стихотворное письмо в рамках единого поэтического жанра. Стихотворение Д.И.Фонвизина, названное автором посланием, по формальным признакам оказалось за пределами изучаемого жанра. Однако тот факт, что современники Фонвизина не сомневались в принадлежности его стихотворения к эпистолярной поэзии, позволяет ввести «Послание слугам» в один ряд с многочисленными эпистолами и письмами.

Таким образом, вся русская эпистолярная поэзия XVIII в. включает в себя произведения, называемые эпистолами, стихотворными письмами и посланиями. Правда, на фоне многочисленных эпистол и писем «Послание» Фонвизина может показаться исключением, не меняющим тенденций развития жанра. Но если в первой половине XVIII столетия мы не находим стихотворных *посланий*, то начиная с 60-х гг. они начинают занимать свое место среди эпистолярных поэтических жанров, а с 80-х гг. становятся чрезвычайно популярными. Само появление произведений, определенных авторами как послания, не могло не повлечь за собой изменений во всей русской поэтической эпистолярной системе. Послание «присоединяется» к таким традиционным поджанрам, как эпистола и письмо, получает свой набор признаков и «сферу деятельности». В конце XVIII в. двуединый жанр сменяется триединым, а вся эпистолярная система усложняется .

Вместе с тем названные поджанры могут соотноситься с не стихотворными произведениями, имеющими то же жанровое обозначение, иметь свой собственный эпистолярный контекст. Этот вывод делается на основании исследования эпистолярных сочинений, в основном второй половины XVIII в., вышедших отдельным изданием. Такого рода тексты демонстрируют различия между эпистолами, стихотворными письмами и посланиями и позволяют определить их жанровые особенности.

Все изданные *эпистолы* второй половины XVIII в. (их основная масса появляется в 60–90-е гг.) относятся только к панегирической поэзии. Вместе с тем *русские* эпистолы XVIII в. независимо от времени написания и способа издания объединяет общий при-

знак — принципиальная невозможность выйти за рамки *поэтической системы*.

Эпистолы, не имеющие прозаического эквивалента, оказываются жанровой основой всей эпистолярной поэзии. Это единственный поджанр, пребывающий в своем собственном, только поэтическом контексте. Русские прозаические ораторские эпистолы либо восходят к европейской традиции, либо ориентируются на эпистолы стихотворные. Ни богословская литература на русском языке, ни деловая письменность не дают примеров произведений, названных эпистолами. Совершенно иную картину дает анализ писем.

Стихотворное *письмо* входит в контекст эпистолярных поэтических произведений (эпистол, посланий) и в контекст сочинений, названных *письмами* (стихотворными и прозаическими). Выше уже указывалось, что стихотворные письма условно можно подразделить на ориентированные на интимный разговор («Письма» Кантемира, «Письма» Сумарокова, некоторые «Письма» в «Полезном увеселении»), и занимающие свое место в панегирической эпистолярной поэзии («Письма» В.Петрова и В.Майкова, например). Логично, что первые не должны выходить отдельным изданием, то есть адресовываться широкой аудитории. Именно поэтому в «Опыте Российской библиографии» В.С.Сопикова представлены исключительно комплиментарные *письма*[122]. Кроме стихотворных панегирических, у Сопикова находим большое количество прозаических «открытых» писем. Такие тексты условно можно разделить на «приятельские» и «деловые». К числу «приятельских» может быть отнесено такое эпистолярное сочинение, как «Письмо барона Гольберга к приятелю, о сравнении Александра Великого с Карлом XII» (Спб.,1788). Примером «деловых» писем может служить «Письмо Действительного Тайного Советника Графа Остермана, отправленное к Великому Визирю Порты Оттомманской 12 апреля 1736 года» (Спб. 1736)(это письмо — один из нечастых случаев публикации эпистолярного произведения первой половины XVIII столетия отдельным изданием). Таким образом, письмо оказывается составной частью двух эпистолярных систем: поэтической и «деловой».

Совершенно отдельной категорией писем оказываются прозаические сочинения, адресованные императрице. Эти тексты находятся в рамках *литературной* системы, создаются как панегирические произведения. Таким примером может являться «Письмо ея Императорскому Величеству, в котором приносится благодарность от получившаго ея Милости Коллежского Советника Державина» (1777). Как и в деловом письме, автор указывает свой чин, обращается к адресату как лицо государственное.

Вместе с тем содержание письма выдает в нем сочинение комплиментарное: «Владычица миров, составляющих Европу, Азию и Америку, зерцало и утверждение благочестия, образ смиренномуд-

рия! Ты, которая даешь законы, творишь победы, прощаешь, исправляешь, просвещаешь и торжествуешь, с высоты окруженного добродетелями Твоего престола, с приосенения неложныя славы Твоея, из толиких миллионов подвластного Тебе народа, Тебя благославляющего, к Тебе воздевающего свои руки, Матерь Отечества»[123]. Приподнятый тон, огромные периоды, использование таких конструкций, как «О Ты, которая», «О Вы, которые» вводят это произведение в число риторических панегирических сочинений. Очевидна связь державинского текста с эпистолой Сен-Никола-Сумарокова. Вместе с тем различная жанровая маркировка этих комплиментарных текстов кажется принципиальной: если Сен-Никола и Сумароков, как мы выяснили, связывают «Епистолу российским ратникам» с европейской практикой, то Державин остается в рамках русской эпистолярной панегирической традиции. Именно поэтому свое риторическое произведение русский автор определяет как *письмо*, а не как *эпистолу*.

Третьей разновидностью интересующего нас поэтического жанра является собственно *послание*. Рассматривая «Послание к слугам моим ...» Д.И. Фонвизина, мы указывали на то, что это произведение имеет непосредственное отношение к апостольской традиции. Вышедшие отдельным изданием послания подтверждают наше предположение. Во второй половине XVIII столетия публиковались: Послания апостола Павла к Солунянам (М., 1786), к Галатам (М., 1787), к Ефесянам (М.,1785), публично преподаваемые Архимандритом Аполлосом (Байбаковым); послания апостола Павла к Евреям (М., 1785), к Римлянам (М., 1787), публично преподаваемые Архимандритом Иринеем. Отдельно издавалось и переведенное с немецкого «Послание апостола Иакова, с толкованием и примечаниями относительно внутренней жизни»(М., 1785).

Посланиями также назывались произведения, разумеется, религиозного содержания, авторы которых *ориентировались* на апостольские тексты. К числу такого рода сочинений принадлежат: переведенное с французского А.Шафрановым «Послание к Диогнету, в котором автор ... полагает твердейшие основания Христианского благочестия, сочинение I века» (Спб., 1783), переведенное с греческого И.Дмитриевским «Послание к Коринфянам св.Климента, Папы Римского» (М.,1781) или переведенное с греческого Драницким «Послание Фотия Патриарха Константинопольского к Михаилу, Князю Болгарскому, о должности Княжеской» (М.,1779).

Таким образом, в 70—80-е гг. XVIII столетия послания попрежнему связывались с именем апостолов. При этом традиция возводить эти дидактические произведения важного, подчас религиозного содержания, к творчеству апостола Павла проходит и через древнерусскую литературу. Автор, создающий «послание», самим жанровом наименованием своего сочинения подчеркивал за-

висимость от апостольского текста. Характерным примером такого рода является творчество протопопа Аввакума, в обращениях к пастве подражавшего апостолу Павлу[124].

Вместе с тем в 90-е гг. XVIII в. послания начинают отрываться от русской традиции, отдельным изданием выходят произведения не только религиозного характера. Так, в 1790 г. появляется переведенное с *турецкого* «Послание от умирающей Земиры к ея дочери».

Однако называть посланиями произведения достаточно далекие от апостольских начали задолго до 90-х гг. После «Послания к слугам ...» Фонвизина появляется названное нами «Послание А.Сумарокова, писанное им при смерти к одному его другу...» (1777), а начиная с 80-х гг. XVIII столетия стихотворения, названные таким образом, становятся не исключением, а правилом.

Итак, как и письмо, послание оказывается заключенным сразу в два контекста: первичный, восходящий к апостольской традиции и сочинениям, ориентированным на послания апостола, и вторичный, связанный с русской эпистолярной поэзией. Правда, здесь необходимо оговориться, что в конце XVIII столетия эпистолярных стихотворений, получивших такое название, значительно меньше, чем одноименных текстов духовного содержания: в это время отдельным изданием вышли лишь: «Послание к слугам ...» Фонвизина (М.,1769), «Послание А.Сумарокова ...» (Спб.,1777) и «Послание к А.М.Брянчанинову» М.Н.Муравьева (Спб.,1785). В журналах конца столетия духовные послания, ориентированные на апостольские, представляют собой прозаический текст, а «дружеские», естественно, входят в число поэтических жанров.

Таким образом, появившись вновь во второй половине XVIII в., жанр стихотворного послания занял господствующее положение в русской эпистолярной поэзии лишь в начале XIX в. При этом послание противопоставлялось высоким жанрам, подобно тому как сам его автор — придворному поэту. Так, в «Прощании с халатом»(1817) П.А.Вяземского находим:

Как часто, встав с Морфеева одра,
Шел прямо я к столу, где Муза с лаской
Ждала меня с посланьем или сказкой
И вымыслом, нашептанным вчера...[125]

«Легкое» послание находилось в одном ряду с таким жанром, как сказка и внешне не имело никакого отношения к апостольской традиции.

Напомним, что разделение в эпистолярной поэзии на поджанры присуще только русской литературе: французскому «épître» соответствуют русские «послание» и «эпистола». Но если «épître» охватывает и сферу поэзии, и апостольское послание, то в России до 80-х гг. различие между посланием и эпистолой было очевидным:

эпистола относилась к высокой поэзии, в то время как послание — не к художественной словесности. В 80-е гг. эта система была разрушена, и в русской литературе посланиями стали называть стихотворные произведения, одинаково далекие и от духовных текстов, и от поэтических эпистол. Иллюстрирует этот процесс тот же «Опыт» В. С. Сопикова, включающий в себя стихотворные панегирические эпистолы с одной стороны, апостольские и стихотворные послания конца XVIII — начала XIX в. с другой.

В периодических изданиях картина терминологической дифференциации ипостасей интересующего нас жанра немного отличается от рассмотренной ситуации в эпистолярных сочинениях, вышедших отдельным изданием. Например, в «Новых ежемесячных сочинениях» стихотворения, определенные как «письма», по сложившейся традиции ориентированы на обычные «почтовые» тексты («Письмо к Кн. Е.Р.Дашковой» В.Капниста (ч. 47, 1790) или «Письмо к другу, лишившемуся жены и в то же время брата, которого убили на войне» С.Протасова (ч.119, 1796)). Что касается «эпистол», то в журналах таким образом определенные стихотворения относятся к числу произведений нравоучительных, а не панегирических. Примером такого рода эпистолярных сочинений может являться переведенная С.Глебовым «Епистола Кардинала де Берниса» (ч.27, 1788). Зато «послания» имеют не паулианскую, а литературную направленность. Сами названия таких стихотворений, как «Послание трем Грациям» (ч. 49, 1790) или «Лирическое послание Кн. Е.Р.Дашковой» (ч.60,1791) говорят о литературности этой жанровой эпистолярной разновидности.

Подобно тому, как соответствие поэтических эпистолярных разновидностей в русской литературе 30—60-х гг. XVIII в. видно на примере творчества А.Сумарокова, теоретические и поэтические упражнения М.Н.Муравьева позволяют определить место послания среди других эпистолярных жанров в русской литературе 70—80-х гг. XVIII столетия.

Эпистолярная теория М.Н. Муравьева

Известно, что среди русских авторов XVIII в. М.Н.Муравьев одним из первых начал называть свои стихотворные эпистолярные произведения посланиями. Однако их появлению в творчестве Муравьева предшествовало теоретическое осмысление этого поджанра. О послании Муравьев впервые заговорил в «Собрании писем различных творцов, древних и новых» (Спб. б.г.). Статья, посвященная этому вопросу, имеет название «Что есть письмо?».

В отличие от Фонвизина, разделявшего письма и послания как произведения «новые» — деловые и «древние» — духовные, Муравьев называет иной критерий их дифференциации. В самом начале статьи он отмечает: письмо «по-гречески называется «'επιςολή»

или послание, потому что посылается от одного к другому»[126]. Тем самым автор указывает, что русское «послание» является дословным переводом греческого жанрового наименования (ἐπιστολή) и разница между этими поджанрами определяется их происхождением.

Объясняя появление названия этого жанра, Муравьев повторяет «Лексикон треязычный» (1704) Ф.Поликарпова, где среди русских эквивалентов греческого «ἐπιστολή» находим и «посланіе»[127]. Таким образом, и Поликарпов, и Муравьев объясняют выбор русскими поэтами XVII и XVIII вв. жанрового наименования для своих эпистолярных сочинений, а следовательно, возврат в конце XVIII столетия к термину «послание» указывает на национальную традицию.

Рассуждения Муравьева о письмах и посланиях доказывают, что связь русского названия поэтического жанра с греческим жанровым обозначением осознавалась русскими поэтами XVIII в.

Таким образом, в сознании авторов XVIII — XIX вв. «легкое» послание оказывается связанным с апостольским письмом самим жанровым наименованием. При этом и в апостольском, и в «легком» письме можно обнаружить общий признак, присущий лишь *посланию* (апостольскому или поэтическому): доступное для читательской аудитории, оно может быть понятым лишь в кругу посвященных.

Из всех «родов» жанра Муравьев останавливается только на дружеском послании. Если Тредиаковский в «Новом и кратком способе» говорит, что эпистола — разговор с отсутствующим, то Муравьев замечает, что «письмо есть разговор двух отсутственных *приятелей*»[128] (курсив мой — *М.Л.*). Само появление феномена послания, по Муравьеву, связано с дружбой, а не с желанием донести некую информацию. Автор пишет, что «изобретение онаго (письма — *М.Л.*) драгоценно; ибо происходит от дружбы, которой нет ничего священнее, когда она между честных людей»[129]. В этом определении заметно желание автора установить границы между адресатом и адресантом с одной стороны и остальными людьми с другой. Дружеское послание принципиально корпоративно, а чертой корпорации может быть определенный язык. В XVIII столетии мы наблюдаем то же явление, что и в I в.: Л.Н.Мончева замечает, что «жанровый парадокс апостолического послания выступает в очевидном противопоставлении предельной открытости его формы эстетической закрытости, точнее «засекреченности», его содержания. Стремление автора направить свое «послание» к наиболее широкому кругу читателей входит в противоречие с его художественной манерой строить текст на ассоциативных связях, недомолвках, недосказанности и незаконченности мысли во избежание всякой конкретности и детализации ... Художественно закодированный текст посланий фактически направляется только «посвященным»,

способным ориентироваться в лабиринте христианских логем ...»[130]. Характерной чертой русского послания, стихотворного или прозаического, является та же недоговоренность, вызванная ориентацией на *определенный* круг друзей. Но если «законспирированность» сочинений протопопа Аввакума вызвана причинами политическими, то авторы поэтических текстов конца XVIII в. скрывают содержание от «невегласов», не входящих в круг, к которому принадлежит и автор, причинами эстетическими.

По мнению Ю.М.Лотмана, принципиальная разница между эпистолярными сочинениями середины XVIII и начала XIX вв. состоит в различном объеме памяти адресата. Если в «интимном» стихотворении В.Майкова Э.Чернышову автор перечисляет уже известные адресату события с тем, чтобы они стали достоянием всех, то А.С.Пушкин «сознательно опускает как известное или заменяет намеком в печатном тексте, обращенном к любому читателю, то, что заведомо было известно лишь очень небольшому кругу избранных людей»[131].

В 30 –70-х гг. XVIII в. подобная недоговоренность была возможна лишь для дружеских и недопустима для панегирических или нравоучительных писем. Муравьев же все «роды» посланий ограничивает посланием дружеским, предполагающим разделение аудитории на знающего друга и многое не понимающих читателей.

Конечно, дружеские послания занимали свое место и среди эпистолярных сочинений поэтов «Полезного увеселения», но в переписке Ржевского с Нарышкиными объем памяти адресата соответствует объему памяти читателей. Никакого разделения аудитории на посвященных и «невегласов» в нравоучительной переписке не может быть в силу авторской установки на воспитание всех. Таким образом, поэтические послания XVIII в. оказываются типологически связанными с апостольскими текстами, и их видимое различие, основанное на «интимности» поэтического и открытости апостольского послания, оказывается мнимым.

Вместе с тем появление третьего поджанра — «послания» и на практике, и в теории связано с устоявшейся эпистолярной традицией XVIII в. Многие послания конца XVIII в. сохраняют пафос нравоучительных эпистол и писем «Полезного увеселения». Так, в помещенном в «Беседующем гражданине»(1789. Ч. III) анонимном «Послании к Правдону» читаем:

Любезный друг Правдон! Ты просишь наставленья,
Как жизнь покойну весть, избегнуть униженья...[132]

Правда, учительство поэтов «Полезного увеселения» подменяется откровенной иронией, основанной на антисоветах:

На что нам Искренность, на что душевна Честь?
Коль можно все без них коварством приобресть?

Прими ка мой совет, так лучше будет дело!
Сгони ты Честь с двора, сдружись с лукавством смело...[133]

Русскую эпистолярную поэзию конца XVIII в. характеризует разочарование в идее нравственного перевоспитания человека. В «Эпистоле к Н.Р.Р.***» М.Муравьев замечает, что

Благополучие, которо нам толь лестно,
Любезный друг! Оно с сей жизнью несовместно...
Сенека лишь того велит счастливым знать,
В ком добродетель есть отрады тихой мать...
Кто чуждых благ себе всю прелесть презирает,
Чья роскошь только в том, что роскошь попирает.
Довольно мне, сыщи такого одного,
Отстану я в тот час от мненья своего[134]

Теперь, когда иллюзии недавнего прошлого оказались развеяны, поэтам остается иронизировать над своими теориями. Однако новое содержание заключается в старые формы. Как бы не менялись установки поэтов — продолжателей эпистолярной традиции середины столетия, жанровые признаки послания остаются неизменными на протяжении всего века.

Рассуждения Муравьева во многом совпадают с эпистолярной теорией Тредиаковского. Оба они первичной формой жанра считают прозаическое письмо: Тредиаковский замечает, что «пиитическая» эпистола почти ничем не отличается от «простой», а Муравьев формулирует правила написания только прозаических эпистолярных текстов и иллюстрирует их такими сочинениями, как «Письмо Плиния к другу» или «Письмо некоторого мореплавателя».

Как и Тредиаковский, Муравьев говорит о присущей эпистолярной системе субординации: «В письмах наблюдаются те же благопристойности, какие в обхождении. К равному пишут без чинов, к высшему с почтением, к нижнему с учтивостью»[135].

Подобно Тредиаковскому, Муравьев много внимания уделяет различию между тонкой шуткой и оскорбительным смехом: «Ничто не украшает столько писем, как благородная простота. Тон письма может быть различен: почтителен, важен, делен, забавен, остроумен, шутлив и трогающ до умиления. Весьма приятна благородная и тонкая шутка, но опасаться надобно произвести такой смех, которого разумный человек стыдится»[136]. Сам же Муравьев создает и письма, и эпистолы, и вышедшее отдельным изданием послание.

Таким образом, теоретические рассуждения Муравьева позволяют увидеть процессы, происходящие в русской эпистолярной поэзии конца XVIII в.: среди прочих «родов» эпистолярия лидирующее положение начинает занимать дружеское послание.

Итак, несмотря на безукоризненную стройность сформированной в 30-е гг. XVIII в. «новой» русской эпистолярной системы, послание претерпело сложную эволюцию. При этом развитие жанра

шло по пути расширения и усложнения всей системы. Следующим значительным этапом в развитии русской эпистолярной поэзии стало творчество русских авторов первой трети XIX в. Однако их творчество базировалось на достижениях русского эпистолярия XVIII в., который стал предметом настоящего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 154; Хаван В.И. Некоторые аспекты типологии жанра поэтического послания. // Проблемы литературных жанров. Материалы Пятой конференции. Томск, 1987. С. 137

2 См., например: Тынянов Ю.Н. Литературный факт. // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 130–133; Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX в. // Степанов Н.Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 81; Гинзбург Л.Я. Пушкин и реалистический метод в лирике. // Рус. литература. 1962. № 1. С. 29. Грехнев В.А. Дружеские послания пушкинской поры как жанр. // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 32–49; Маркин А.В. Дружеское послание 1780–1820 гг. и традиция Анакреона и Горация в русской литературе. Свердловск, 1990. С. 18–26.

3 См.: Петров Н. И. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ея до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1868. № 3. С. 497.

4 См.: Перетц В.Н. В.Тредиаковский как новатор в области теории поэзии и русского стиха // Перетц В.Н. Историко-литературные исследования и материалы. Спб., 1902. Т. 3. С. 59.

5 Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. Спб., 1735. С. 34.

6 Там же. С. 34.

7 Петров Н. И. О словесных науках... С. 498.

8 Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ... С. 34.

9 Там же. С. 35.

10 Там же. С. 36.

11 Тредиаковский В.К. Способ к сложению российских стихов против выданного в 1735 году // Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. Спб., 1752. Т. 1. С. 147.

12 Аполлос (Байбаков) Правила пиитические в пользу юношества. Спб., 1774. С. 3.

13 Там же. С. 22.

14 Фонвизин Д.И. Опыт российского сословника. // Сочинения Д.И.Фонвизина. Спб., 1893. С. 171.

15 Сумароков А.П. Две епистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. Спб., 1748. С. 5.

16 Там же. С. 17.

17 Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов. Спб., 1735. С. 35.

[18] Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Спб., 1873. Т. II. С. 131–132.
[19] «Трудолюбивая пчела». Спб., 1759. Май. С. 283.
[20] Сумароков А.П. Речь, идиллия и епистола Великому Князю Павлу Петровичу в день его рождения. Спб., 1761. С. 13.
[21] Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч. Ч. IX. М., 1781. С. 175–176.
[22] Там же. С. 86.
[23] Бильбасов В.А. История Екатерины II. Берлин, 189-. Т. 12. Ч. I. С. 285.
[24] Там же. С. 285.
[25] См.: Orationes Panegyricae. Moscou, 1775.
[26] Saint-Nicolas I.—G. Epître aux soldats Russes. Moscou, 1775. P. 1.
[27] Ibid. P. 8.
[28] Сумароков А.П. Ода ея императорскому величеству Великой Государыне Екатерине Алексеевне ... на торжество мира с Портою Оттоманскою. М., 1775. С. 7.
[29] Saint-Nicolas I-G. Epître aux soldats Russes ... P. 5.
[30] Сумароков А.П. Ода ... на торжество мира с Портою Оттоманскою. С. 6.
[31] Saint-Nicolas I-G. Epître aux soldats Russes ... P. 7.
[32] Там же. С. 3.
[33] Верещагин И.А. Ода на торжество заключения мира между Россией и Оттоманской Портою. М., 1775. С. 4.
[34] Там же. С. 3.
[35] Saint-Nicolas I-G. Epître aux soldats Russes ... P. 7.
[36] Верещагин И.А. Ода на торжество заключения мира ... С. 11.
[37] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. 8. М.; Л. 1959. С. 199.
[38] См.: Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. 1977.
[39] С-Петербургские ведомости. Прибавление к № 80. 1762. 4 октября
[40] Saint-Nicolas I.—G. Epître aux soldats Russes ... P. 3.
[41] См.: «Праздное время в пользу употребленное». Спб., 1759. Ч. I. С. 233, 311, 347, 376. Ч. II. С. 76, 108, 121, 212, 239, 189.
[42] См.: Стричек А. Денис Фонвизин. М., 1994. С. 240.
[43] См.: Послание г. Сумарокова, написанное им при смерти к одному его другу. Спб., 1777. С. 3.
[44] Державин Г.Р. Письмо ея Императорскому Величеству, в котором приносится благодарность от получившаго ея Милости Коллежскаго Советника Державина. Спб., 1777. С. 4.
[45] Сумароков А.П. Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой. Спб., 1774. С. 1.
[46] Там же. С. 1,4.
[47] Костров Е.И. Полн. собр. всех сочинений и переводов в стихах. Спб., 1802. Ч. 1. С. 151.
[48] Там же. С. 152.
[49] Хвостов Д.И. Письмо к его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову — Рымникскому на случай поражения Визиря с главными силами при реке Рымник 1789 года, сентября 11 дня. М., 1789. С. 4.

[50] Там же. С. 6,7.
[51] Майков В.И. Письмо его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцову. М., 1775. С. 5.
[52] Петров В.П. Сочинения. Спб., 1811. Т. 3. С. 24.
[53] См.: Берков П.Н. «Письмо к г. В.» М.В.Ломоносова // Литературное творчество М.В.Ломоносова. Исследования и материалы. М.; Л., 1962. С. 4–14.
[54] «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Спб., 1756. Янв. С. 70.
[55] Петров В.П. Сочинения. Т. 3. С. 262–263.
[56] Там же. С. 263.
[57] Там же. С. 264, 265.
[58] Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ... С. 36.
[59] Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. в 10 тт. М.—Л. 1952. Т. 7. С. 589.
[60] Берков П.Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. М.; Л., 1936. С. 175–176.
[61] См.: Остолопов Н.Ф. Словарь древней и новой поэзии. Спб., 1821. Т. I. С. 401–406.
[62] См.: Ломоносов М.В. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л. 1952. С. 69–76.
[63] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. М.; Л. 1959. С. 289. В «Письме о пользе стекла ...» И.И.Шувалов представлен как помощник императрицы в деле просвещения России: Елизавета

> ... пользу общую отечеству прозря,
> Ученью велит расшириться в моря,
> Умножив бодрость в нем щедротою Своею!
> А Ты, о Меценат, предстательством пред Нею
> Какой наукам путь стараешься открыть ...
> (Там же. С. 522)

[64] См.: «Полезное увеселение». М., 1760. Дек. С. 194–197.
[65] Лепехин М.П. «Дворянин — философ» в кругу почитателей (новонайденные материалы о литературно — художественном окружении Ф.И. Дмитриева-Мамонова. // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 309.
[66] Петров В.П. Сочинения... Т. 3. С. 19.
[67] Там же. С. 72.
[68] «Собеседник любителей русского слова». 1783. С. 66.
[69] Лепехин М.П. "Дворянин-философ..." С. 310.
[70] Там же. С. 314.
[71] Лепехин М.П. "Дворянин-философ..." С. 314.
[72] См.: Переписка Вольтера с Екатериной II. Спб., 1882. С. 227.
[73] См.: Дмитриев-Мамонов Ф.И. Эпистола от генерала к его подчиненным ... М., 1770. С. 3.
[74] Там же. С. 4.
[75] Там же. С. 14.

76 См.: Гуковский Г.А. Очерки по истории руской литературы XVIII в., М., 1936. С. 30–46.
77 Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 114–115.
78 Кожевников В.А. Философия чувства и веры в ея отношениях к литературе и рационализму XVIII века и критической философии. М., 1897. Ч. I. С. 19.
79 Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Спб., 1867. Т. I. С. 385.
80 Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы... С. 287.
81 См.: Сочинения ... Антиоха Дмитриевича Кантемира. Спб., 1868. Т. II. С. 21–96.
82 См.: Сумароков А.П. Собр. соч. Т. VI. М., 1781. С. 249 — 277.
83 Кожевников В.А. Философия чувства и веры ... С. 20.
84 См.: «Ежемесячные сочинения...» Спб., 1756. Янв. С. 70.
85 Там же. С. 70, 71.
86 Там же. С. 71.
87 Там же. 1755. Сент. С. 272.
88 « Свободные часы». М., 1763. Декабрь. С. 697.
89 Там же. С. 694.
90 Epîtres diverses sur des sujets differens. Amsterdam, 1753. V. I. P. 201.
91 Ibid. P.202.
92 Херасков М.М. Епистола ко Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Емператрице Екатерине Алексеевне Самодержеце Всероссийской, принесенная в день Высочайшего Тезоименитства Ея Императорского Величества Московским университетом. М., 1762. С. 3.
93 Херасков М.М. Епистола ко Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержеце Всероссийской, которой в день Высокоторжественного Коронования Ея Императорского Величества приносит именем Московского университета Михайла Херасков. М., 1763. С. 6.
94 Там же. С. 4.
95 Херасков М.М. Епистола ... ко ... Императрице Екатерине Алексеевне ..., принесенная в день ... Тезоименитства... С. 3.
96 Херасков М.М. Епистола ... ко ... Императрице Екатерине Алексеевне ... в день ... Коронования ... С. 6.
97 С-Петербургские ведомости. Прибавление к № 55. 1762. 3 июля.
98 Херасков М.М. Епистола ... ко ... Императрице Екатерине Алексеевне ... в день ... Коронования ... С. 5, 6.
99 Там же. С. 6.
100 Херасков М.М. Епистола ... ко ... Императрице Екатерине Алексеевне ... в день ... Тезоименитства... С. 4.
101 Там же. С. 5.
102 См.: С-Петербургские ведомости. Прибавление. № 61. 1762. 30 июля.
103 Там же.
104 Илюшин А.А. Проблема барочной поэтической антропонимии (Имя поэта и его литературная репутация) // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 232.
105 Княжнин Я.Б. Избранное. М., 1991. С. 336.

106 Херасков М.М. Епистола ... ко ... Императрице Екатерине Алексеевне ... в день ... Тезоименитства... С. 6.
107 Херасков М.М. Епистола ... ко ... Императрице Екатерине Алексеевне ... в день Коронования ... С. 6.
108 См.: Быкова Т.А. К истории текста «Од торжественных» А.П.Сумарокова. // XVIII век. Сб. V. Л., 1962. С. 383–392.
109 Сумароков А.П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. IX. С. 233.
110 Там же. С. 231.
111 Нечкина М.В. Вольтер и русское общество. // Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 183.
112 Остолопов Н.Ф. Словарь древней и новой поэзии... С. 405.
113 Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ... С. 34.
114 Кочеткова Н. Д. «Послание к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д.И.Фонвизина. // Анализ одного стихотворения. Межвузовский сборник. Л., 1985. С. 71.
115 Там же. С. 73.
116 Стричек А. Денис Фонвизин ... С. 121–122.
117 Фонвизин Д.И. Собр. соч. Спб., 1893. С. 172.
118 Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 173.
119 Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ... С. 36.
120 Фонвизин Д.И. Собр. соч. С. 172.
121 Лермонтов М.Ю. Соч. в 4-х тт. М., 1988. Т. I. С. 140.
122 См.: Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. Спб, 1905, ч.IV. С. 86–93
123 Державин Г.Р. Письмо ея Императорскому Величеству, в котором приносится благодарность от получившаго ея Милости Коллежского Советника Державина. Спб., 1777. С. 4.
124 См.: Виршевая поэзия. М., 1989. С. 31, 113. В древнерусской практике «послание» — не единственное обозначение апостольских эпистолярных сочинений. Так, в «Житии Иоанна Златоуста» послания апостола Павла и «окружные послания» иерархов названы греческим словом «эпистолиа» («Любя же зело блаженный Иоанн епистолиа премудраго Павла», «Мнози от клирик, мнози же и от царев муж ... паче ся на то устремляху и строяху, дабы велик собор в Константине граде был ово епистолиами, а другое не пишуще, но тако посылающе» (Великие Минеи Четьи, ноябрь 13–15. Спб., 1899. С. 963; 1025.). Больше того, для древнерусской литературы «епистолия — послание письменое» (Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 173). Однако если в средневековой эпистолярной литературе «епистолии» встречаются довольно часто, то в XVIII в. это наименование исчезает из русского эпистолярия, и за апостольскими произведениями сохраняется лишь одно наименование.
125 Вяземский П.А. Стихотворения. Библиотека поэта (малая серия). М., 1978. С. 72.
126 Муравьев М.Н. Что есть письмо? // Муравьев М.Н. Собрание писем различных творцов, древних и новых. Спб., б.г. С. 5.
127 См.: Поликарпов Ф. Лексикон треязычный, сиречь речений славянских, еллино-греческих и латинских сокровище: Из различных древних

и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.

128 Муравьев М.Н. Что есть письмо?... С. 5.

129 Там же.

130 Мончева Л.Н. Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы. // ТОДРЛ, Л., 1989. Т. 42. С. 190.

131 Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. I. С. 164.

132 «Беседующий гражданин». Спб., 1789. Ч. III. С. 372.

133 Там же.

134 См.: Муравьев М.Н. Стихотворения. Библиотека поэта (большая серия). Л., 1967. С. 146.

135 Муравьев М.Н. Что есть письмо?... С. 5 — 6.

136 Там же. С. 6.